

Басманов Дмитрий

Рейс через Атлантику

18+

Дмитрий Викторович Басманов

Рейс через Атлантику

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67760178

SelfPub; 2023

Аннотация

Англия начала XX века. Портовый грузчик Джим отправляется в Америку в поисках лучшей жизни. Но заурядный рейс на "Феррисе" превращается в кошмар, который Джиму нужно пережить во чтобы то ни стало.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	72
Глава 11	80
Глава 12	88

Дмитрий Басманов

Рейс через Атлантику

Глава 1

Смена подходила к концу. Джим устало прислонился к высокому ящику. Их здесь было невероятное количество. Ящики и бочки разных размеров громоздились друг на друге, многочисленные ряды превращали грузовой порт в лабиринт, где можно было заблудиться. Джим огляделся – а ведь это его рук дело! Это он и ещё сотни таких же работяг-грузчиков, день за днём возводили этот невероятный «город» на пирсе. Завтра утром подойдёт корабль, и ряды ящиков и бочек начнут исчезать в грузовом трюме. Хорошо, если это будет новенький пароход с крановой балкой. Работа пойдёт куда веселее! Но, скорее всего, громыхнув самодельным привальным брусом, к пирсу причалит очередная ржавая лохань. Она будет нещадно чадить, пока в машинном отделении разводят пары. А пьяный помощник капитана выйдет на бак и начнёт материться, указывая, как следует проводить погрузку.

«Эй, Джим! – позвали его. – Мы с ребятами в трактир. Ты с нами?» Низенький крепыш по кличке Пут был их бригадиром. Он немного картавил, но мало находилось смель-

чаков, желавших пошутить на сей счёт. Пут слыл прекрасным драчуном, хотя вывести его из душевного равновесия и заставить пустить в ход кулаки казалось невозможным делом. Джим согласно кивнул. Пожалуй, можно пропустить стакан-другой пива.

В трактире было грязно и шумно. Они уселись за свободный столик и принялись громко обсуждать последние портовые слухи.

– Слыхали новость? – пробасил толстяк Харрис, старожил бригады. – Владелец порта, говорят, того... скоро свернёт лавочку!

Ему ответил неодобрительный гул голосов. Джим машинально нащупал оставшиеся в кармане монеты.

– Да брось ты! – горячо возразил кто-то из новеньких. – Сколько портовых шлюх без работы останется! Куда же он их пристроит?

Дружный хохот сотряс спёртый трактирный воздух. Джим улыбнулся, но скорее для виду. Наверняка, Харрис не просто так сказал об этом, и толстяк, как пить дать, знает куда больше, чем рассказывает. Вон и Пут прищурился и теребит в руках бокал. Значит, дела идут паршиво. И Джим может скоро остаться без работы. От этой мысли ему стало не по себе.

– Джимми, ты куда? – окликнул его Пут.

– Пойду, воздухом подышу.

– Я с тобой, подожди!

У самого выхода Джим неловко посторонился официанта и задел чей-то бокал.

– Дьявол! Ты пролил моё пиво! – громыхнуло позади.

Джим повернулся. Из-за стола к нему поднимался какой-то матрос. Он оказался широкоплечим высоким здоровяком. Небритый с маленькими пороссячьими глазками – верно, помощник капитана, таких Джим встречал едва ли не каждый день.

– Извини, приятель!

Детина схватил Джима за плечо и хорошенько встряхнул.

– Извини?! Ты, сукин сын, пролил мой последний бокал!

Джим не знал, что ответить. Толстые, похожие на сардельки, пальцы матроса больно вцепились в плечо, из его рта отвратно воняло алкоголем, рыбой и дешёвым табаком. Казалось, в этот момент весь трактир смотрит на них. Но на самом деле в общем гомоне вряд ли хоть кто-то обратил на них внимание. Лишь сидевшие за столиком рядом с матросом с холодным любопытством следили за происходящим. Джим оцепенел от страха. Здоровяк своим огромным кулачищем мог одним ударом выбить из него дух. Или попробовать ударить первым? Ноги подкосились.

– Джим, вдарь ему! – послышался позади смешок Пута. – Хватит пялиться, как чайка на моле!

– Давай, я... – проговорил Джим и сглотнул, – давай, я угощу тебя пивом. О'кей? И мы разойдёмся миром?

Хватка ослабла. Матрос смерил Джима насмешливым

ВЗГЛЯДОМ.

– Ха! Я тебя запомнил, приятель. Ты должен мне две пинты пива! Не сегодня, потом... Я через два дня вернусь в этот порт, и мы встретимся здесь. А теперь проваливай!

Джим отшатнулся. Поспешил к выходу, стараясь не оглядываться. На улице за дверью трактира Джим остановился и потёр плечо. Интересно, если бы началась заварушка, вступил бы за него Пут? Тот уже догнал Джима.

– Ты видел этого тюленя? – ухмыльнулся он. – Что ему надо было?

– Я разлил его пиво. Теперь я должен ему две пинты. Он сказал, что будет здесь через два дня.

– Ну, раз должен, значит, отдашь. За язык тебя никто не тянул, – рассудил Пут и, легонько хлопнув Джима по спине, добавил: – Но в следующий раз просто врежь ублюдку промеж глаз. И всего делов. Понял?

Джим кивнул.

– Как думаешь, Харрис не врал насчёт порта?

Пут помялся.

– Знаешь, никто на Библии не клялся. Но люди говорят, что порт закроют. Может быть, завтра, а может быть через полгода. Этого никто не знает.

– Пойду я домой, пожалуй, – вздохнул Джим. – Хватит с меня на сегодня. И устал я, как собака.

– Валяй, – согласился Пут. – Передавай Элис привет.

Джим махнул рукой и зашагал по булыжной мостовой.

Всего через пятнадцать минут он был дома. В их каморке пахло рыбой. Рыбой пахло всегда – вездесущий, неистребимый запах, им была пропитана одежда, волосы, постельное бельё, всё вокруг. Не удивительно, если работаешь по десять-двенадцать часов среди ящиков, забитых морепродуктами. Джим опустил на стул и подпёр кулаком голову, разглядывая остатки скудного ужина. После рабочей смены чертовски хотелось есть, голодный дурман и пивной хмель кружил голову. Противное ощущение разбитости и пустоты терзало сильнее, чем физическая усталость.

Его жена Элис стояла у окна и молчала; потом вдруг всхлипнула и спрятала лицо в руки. «Мам?» – донёсся из угла тоненький голос Фрэнка. Сын забросил возню с каким-то деревянным огрызком и поспешил к матери. Джим отрешённо взял газету, пробежал глазами по заголовкам. На втором развороте он нашёл, что искал. «Америка – новая мечта!» – была озаглавлена статья. Джим достал из выдвижного ящичка ножницы и принялся неторопливо вырезать очерченный скромными вензелями текст.

Элис наконец повернулась к Джиму, заговорила быстро, словно боялась произносимых фраз: «Я не могу так больше! Понимаешь? Не могу! Нам нечего есть, не во что одеваться. Мы не заплатили в том месяце за квартиру ни пенни! Храни Господь миссис Бёрнс, она пока не выгнала нас на улицу» Она снова всхлипнула и погладила вцепившегося в её ногу Фрэнка. Джим покусал губу. Что он мог ей сказать? Что ско-

ро обессилит от недоедания и не сможет выйти на работу? Или что вот-вот порт закроют? К горлу подкатил ком. Джим отложил газету.

– Послушай, дорогая... Я понимаю, нам тяжело...

– Невыносимо, Джимми! – поправила его Элис и смахнула слезу со щеки.

Джим встал. Подошёл к Элис, обнял её за вздрагивающие плечи.

– У нас есть единственный шанс.

– О чём ты говоришь?! Какой шанс?!

Фрэнки, которому шёл третий год, вряд ли понимал смысл разговора, но, кажется, уловил общее настроение: он стоял посредине каморки и куксился, сжимая маленькие кулачки. Джим вернулся к столу, отыскал среди обрезков газеты статью.

– Вот наш шанс. Я должен ехать в Америку. Я должен обустроиться там: найти хорошую работу, жильё, а потом вернуться за вами, – Джим говорил тихо, но с таким напором, какой бывает у приливных волн, штурмующих каменные молы. – Я должен сделать это ради тебя... ради Фрэнки, понимаешь?

Элис опустила голову.

– Я этого не вынесу! Как мы будем без тебя?

– Поживёшь пока с моими стариками. Думаю, они не будут возражать. Тем более, им сейчас не помешает уход. Да и за домом следить тяжело.

– Они тоже не богачи, Джим! Почему ты решил, что они будут рады содержать лишние рты?

– Всего месяц! Я копил деньги, чтобы отдать долг мистеру Саймонсу. Этих денег должно хватить и мне, и вам.

Кажется, Элис смирилась.

– А как же мистер Саймонс?

– Я всё отдам ему, когда вернусь за вами, – отмахнулся Джим. – Собирай вещи, Элис. Завтра есть один рейс в Америку. И я должен успеть на него.

Джим старался выглядеть бодро и решительно. Хотя на самом деле кошки скреблись от одной мысли, что придётся покинуть привычные места, покинуть семью, чтобы оказаться чёрт знает где – за тысячу миль в полном одиночестве. Но глядя на влажные, слипшиеся от слёз ресницы Элис, он не мог признаться об этом вслух.

Глава 2

Джим прислушался к корабельному гудку. За семь лет работы портовым грузчиком в родном Портсмуте он научился различать в этих протяжных звуках мельчайшие интонации и обертоны. У небольшого парохода «Феррис», направлявшегося по своему обычному маршруту из Старого Света в далёкую Америку, гудок оказался на удивление низким, с лёгкой хрипотцой. Кровать в каюте была жёсткой и неудобной, впрочем, кровать в их каютке на Хэмбрук-стрит, была едва ли лучше.

Джим заложил руки за голову и принялся разглядывать потолок. Серые доски обшивки были плохо пригнаны, кое-где по дереву неряшливыми зигзагами тянулись трещины, а в углах от постоянной сырости завелась плесень. Одну стену закрывала циновка, сплетённая ещё, наверное, при Георге Третьем, другую Джим завесил газетными вырезками. Над столом висела семейная фотография. С чёрно-белого снимка на Джима смотрел он сам – улыбающийся молодой парень, с небрежно зачёсанной набок чёлкой, в рубахе в крупную клетку. Рядом, прижавшись к его плечу, стояла Элис – худенькая девушка с острым подбородком, таким же острым – как клюв у галки – носиком и маленькими ушками; Элис обнимала малыша Фрэнка. Карапуз примостился между папой и мамой и, довольно улыбаясь, выглядывал из-под на-

ползшей на глаза кепки. Эту фотку Джим сделал перед самым отплытием.

Америка. Рано или поздно, но это должно было случиться. Всё началось через год после свадьбы, когда на свет появился Фрэнки. Джим доходами похвастаться не мог, его родители едва сводили концы с концами, доживая свой век на окраинах Лэндпорта. Элис уже в восемнадцать лет осталась без родных. В Портсмут она переехала незадолго до свадьбы, и помочь ей было решительно некому. Так или иначе, но финансовое положение молодой семьи Тимиди год от года ухудшалось: сначала им пришлось сменить квартиру на тесную каморку, потом продать часть мебели и урезать рацион. Фрэнк между тем рос, и вскоре его уже стало не во что одевать. Неизвестно, кто подкинул Джиму эту идею. Может быть постояльцы трактира, может быть, он сам прочитал о Земле Обетованной в местных газетах. Но с тех самых пор он был буквально одержим мечтой о переезде: вырезал заметки из «Портсмут Дейли», выписывал от руки статьи.

«Феррис» немного накренился, чуть слышно скрипнул шпангоутами. Впереди ещё шесть дней пути, в плавании они находились больше недели, и Джим уже начал скучать по своим родным. «Схожу на свежий воздух, развеюсь!» – решил он. Натянув брюки с ещё сохранившимися пижонскими стрелками и отыскав свежую рубашку, Джим покинул каюту. В половину двенадцатого до полудня на палубе было не многолюдно, солнце пригревало, но воздух, наполненный мор-

ской влагой, ещё сохранял утреннюю прохладу. Джим прошёлся вдоль борта до самого носа, там остановился, опершись о деревянный релинг¹, и глянул вниз, на расходящиеся пенные буруны волн. Интересно, если вдруг он сейчас свесится, перевалится через борт и упадёт в солёную воду – затащит ли его под днище? Тогда он наверняка встретится с винтами «Феррис» и его тело раздерёт на части... Чёрт, что за мысли в его голове?! Джим передёрнул плечами и на всякий случай отодвинулся от ограждения.

Кто-то встал рядом с ним, Джим повернулся и увидел незнакомую девушку примерно его возраста. Она, крепко обхватив поручни, глянула за борт, а потом подняла голову и, прищурившись, оглядела горизонт. Он раньше не встречал её, скорее всего, девушка занимала каюту «люкс» на верхней палубе. Короткие вьющиеся волосы цвета чернослива тускло переливались на солнце, они обрамляли круглое розовощёкое лицо, самой выдающейся частью которого являлся нос. Крупный, точёный, будто из мрамора, кончик его, казалось, задран кверху чересчур сильно, из-за чего, если посмотреть со стороны, нос больше походил на свиной пяточок. Незнакомка глянула на Джима с презрительным любопытством, вскользь; в её изумрудных глазах, жирно подведённых чёрным, промелькнула искра интереса. Джим улыбнулся уголком рта и окинул оценивающим взглядом привле-

¹ Релинг – жёсткое, деревянное или металлическое ограждение на борту кораблей

кательные формы девушки, спрятанные под претендующим на моду платьем. Пожалуй, в незнакомке не было ничего лишнего, и если бы ни этот смешной нос, её можно было бы назвать красавицей.

– Вот ты где! – прогремело сзади.

Джим вздрогнул и обернулся.

– Чёрт тебя побери, Грег! Зачем так пугать?

Грегори был первым человеком, с которым Джеймс познакомился на борту «Феррис». Он занимал каюту напротив, и называл себя Боцманом. У этого высокого, сухощавого мужчины с налётом седины на висках всегда имелась в запасе история, которой он спешил поделиться с окружающими. Когда Грегори принимался за рассказ, его округлые, лишённые ресниц глаза становились ещё круглее, и под тёмными кустистыми бровями это выглядело несколько комично, но как-то по-особому трогательно.

– Да якорь мне в задницу! – воскликнул Грег и ухмыльнулся. – Я устал сидеть в этом тесном гробу, который здесь по недоразумению называют каютой!

– Что ж ты не заказал «люкс»? – спросил Джим.

Грег смерил его холодным взглядом.

– Такому морскому волку как я комфорт чужд. Вот однажды на «Вэйвз», когда мы...

Тут Грег одёрнул свой лоснящийся на локтях сюртук и принялся за очередную историю. Джим слушал его рассказ вполуха. Он разглядывал стоявшую чуть поодаль незнаком-

ку. Кто она такая? Зачем плывёт в Америку? Почему она решила покинуть берега Туманного Альбиона и броситься в объятия неизвестности? Судя по её манере держаться, она наверняка была певичкой в каком-нибудь второсортном ресторане – Джим встречал таких, когда иной раз гулял по центру Портсмута.

– Эй, Джим, разрази тебя гром! – окликнул его Боцман и легонько толкнул в плечо. – Ты что, спишь с открытыми глазами?

– Извини, приятель, – сказал Джим и бросил взгляд на раскинувшийся за бортом океан. – Чёрт бы побрал эту качку! До сих пор не могу к ней привыкнуть, я же сухопутная крыса.

Грег ухмыльнулся – это были его слова, сухопутными крысами он крестил всех, кто не совершил по океанам как минимум кругосветного путешествия.

– Ладно, жду тебя вечером в баре, там ты уж от меня не отделаешься!

Баром на «Феррисе» служила небольшая стойка в кают-компании с рядом привинченных к полу крутящихся табуретов. В баре продавалось дешёвое виски и бутылочное пиво. На вкус – так обычная дрянь. Впрочем, Джима и Грегори это ничуть не смущало, тем более каждый пенни был на счету. Боцман поправил сюртук, пригладил редкие кустики волос на голове и, слегка прихрамывая (как сам он говорил, ногу ему повредила акула), направился к корме.

Со стороны камбуза потянуло ароматами готовящейся

рыбы. Этот запах снова напомнил Джиму о каморке в Портс-муте. Он закрыл на секунду глаза и ясно представил Элис: она стояла, прижимая к себе Фрэнки, и умоляюще смотрела на него. Джеймс встряхнулся, огляделся. Рядом никого уже не было, и он поспешил покинуть палубу.

Джим устроился с тарелкой в самом углу небольшого помещения кают-компания – здесь можно есть не торопясь, и наблюдать за посетителями: вчера он выяснил, что это было, по крайней мере, забавно. Обитатели корабля приходили сюда и преображались, словно на «Феррисе» существовало два мира: здесь и там. Там они были певичками и танцовщицами, боцманами и грузчиками, а здесь все превращались в посетителей, в людей, которые пришли поесть (или просто поболтать). И блеск в глазах, голодный азарт сменялся одинаковой матовой сытостью по мере того, как пустели тарелки с едой.

Вот за столик возле входа присела незнакомка, которую Джим встретил сегодня на палубе. Она мельком глянула на него и улыбнулась. От её улыбки повеяло таким же холодом, каким был пропитан сырой утренний воздух. Кто-то заслонил Джиму видимость.

– Эй, приятель, это моё место, место! – быстро проговорил невысокий светловолосый паренёк.

Джим посмотрел на соседние столики рядом. Свободно.

– Какие проблемы? Тут полно места!

Паренёк повёл плечами и улыбнулся.

– Да, в общем, да! Без проблем. – Он, однако, уселся прямо напротив Джима, поставив свою тарелку и стакан на край стола. – Просто я привык обедать здесь, так что, если не против, составлю тебе компанию, компанию.

Эта его манера повторять последнее слово показалась Джиму совершенно дурацкой.

– Мартин, – паренёк протянул руку. – Мой имя Мартин. Я тут юнга, юнга.

– Джеймс Тимиди, – он пожал руку и не удержался, чтобы не передразнить: – Я тут пассажир, пассажир.

Мартин не обиделся или не показал вида. Он почесал конопатый нос и принялся за еду. Ловко орудуя ножом, Мартин отделил кусочек сочного бифштекса, повертел его на вилке и отправил в рот. Джим заворожено смотрел, как тонкое острое лезвие врезается в крупные тёмные волокна мяса. Что если он сейчас положит на тарелку свою руку и начнёт с такой же блаженной улыбкой отрезать себе указательный палец? Джим вздрогнул. Что за идиотские мысли приходят ему сегодня?! Уже второй раз, будто шепчет кто-то...

Джим взялся за вилку и решительно прикончил остатки завтрака. Теперь, пожалуй, можно было снова вернуться в каюту.

– Первый раз на борту? – поинтересовался Мартин.

– Да вот. Пришлось.

– А я уже третий год по морям и океанам! Это мой второй рейс на «Феррисе».

«Его бы познакомить с Грегом! – усмехнулся про себя Джим. – Они бы быстро спелись!»

– Рад знакомству, – сказал он вслух и поднялся, – но меня ждёт послеобеденный сон. Приходи сегодня вечером в бар, я угощаю!

Глава 3

Они выпили сначала за знакомство, потом за здоровье Мартина, потом за здоровье Джима, потом за здоровье Грега. Потом пили за успешное завершение плавания. Потом пили ещё за что-то – Джим уже точно не помнил, реальность подёрнулась завесой алкогольного веселья. Тем временем в зале появилась незнакомка. Она села ужинать в компании какого-то джентльмена – средних лет, с высокими залысынами и плотным пивным брюшком. «Это мистер Брукман, – шепнул Джиму юнга, – известный в Портсмуте ювелир. Не слышал, чтобы он был женат!» Джим отвернулся от пары. «Да к чёрту их! – отмахнулся он и кивнул Грегори: – Наливай ещё!»

Очередная порция виски обожгла глотку. Пьяно пошатываясь, Джим вышел из кают-компании на палубу и вцепился во влажный от брызг поручень. Уже темнело; отличная погода, стоявшая весь день к вечеру начала портиться: дул резкий прохладный ветер. «Феррис» раскачивало на волнах, а на горизонте висели тяжёлые сине-белые облака. Из кают-компании на палубу вышла незнакомка, она прошла и встала рядом у самого ограждения. На ней было вечернее чёрно-розовое платье с откровенным (и таким манящим) вырезом, колье на шее – скорее всего, обычная бижутерия. Джим бросил взгляд на её изящные руки, протянутые к ре-

лингу – на безымянном пальце не было кольца.

– Ресторан «Цветущие розы», угол Салтэн-роуд и Уинг-филд-стрит? – спросил он.

– Не угадал. «Блэк кэтс» на Сеймур-Клоуз, – отозвалась незнакомка.

От алкоголя мысли в голове мешались в ужасную кашу.

– Я сидел там раз или два. Всегда накурено и отвратительное обслуживание.

– Женатики туда не заглядывают, – усмехнулась незнакомка в ответ. – Тебя я не помню, хотя пела там три года.

Джим не курил. Курил его отец, но однажды очень серьёзно заболел – как сказали врачи: из-за курева – и, глядя на мучения отца, молодой Тимиди зарёкся прикасаться к табаку. От одного воспоминания о тяжёлом никотиновом смраде Джима начало мутить. Рот наполнился горькой слюной.

– И как же зовут восходящую звезду оперной сцены? – спросил Джеймс.

– Милен.

Её голос – бархатисто-низкий, хорошо поставленный, пожалуй, чтобы послушать её, можно было прийти и в «Блэк кэтс».

– Зови меня Джимми, – выдавил он и зажмурился.

Только не сейчас! «Феррис» предательски качнулся, вызвав у Джима жуткий приступ рвоты. Джеймс не выдержал, перегнулся через релинг и блеванул. «Чёрт побери! – подумалось ему между судорожными позывами. – Как всё дерь-

мово получилось!» Но остановиться уже не мог. Едва он выпрямился, чтобы вдохнуть воздуха, как его схватили и резко бросили вперёд. И если бы не руки, крепко вцепившиеся в релинг, Джим полетел бы за борт.

– Какого дьявола?! – рыкнул он и развернулся.

Перед ним стоял Боцман, на его лице застыла какая-то странная полуулыбка, а в глазах было не больше смысла, чем в паре пустых бокалов. Через мгновение это безумная маска вдруг слетела с лица Грега, и он изумлённо уставился на Джеймса.

– Сукин ты сын! Ты меня чуть к рыбам не отправил!

– Извини, – пробормотал Боцман, – сам не понимаю, на-шло что-то!

Из-за его спины показался Мартин.

– Эй, приятель, да ты нажрался! – он повернулся к испуганной Милен. – Простите, мэм, за эту досадную сцену. С позволения, мы проводим нашего друга в каюту...

С этими словами он подхватил шатающегося Джеймса под руку. С другой стороны, ему помогал Грегори, и вместе они поплелись на нижнюю палубу. Как Джим оказался в кровати – он уже помнил плохо. Пьяная сонливость нахлынула, словно гигантская морская волна, сил не осталось даже то, чтобы раздеться. Только перед тем, как провалиться в хмельное забытьё, Джеймсу показалось, что темнота каюты внимательно наблюдает за ним.

Просыпаться было тяжело, голова гудела, а язык распух

и еле ворочался. С трудом поднявшись, Джим провёл рукой по лицу. То, что ещё вчера утром являлось лёгкой небритостью, сегодня превратилось в колючую неряшливую щетину. По иллюминатору барабанил дождь, спёртый воздух в каюте пропитался кислым запахом перегара. Джим вышел на палубу, чтобы освежить похмельную голову. Дождь оказался несильным; штормило, и «Феррис» шёл, грузно раскачиваясь, как пьяный матрос-забулдыга. На палубе уже стоял Грег, помятый, сонный, он курил, часто затягиваясь.

– Разрази меня гром, – сухо сказал он, помахивая дымившейся сигаретой, – это самый неудобный корабль. Здесь что-то не то. Что-то не так, якорь мне... Слушай, а этот Мартин, – тут Грегори осмотрелся и приблизился к Джиму, – он ещё тот проныра! Он вчера был трезв, как монахиня в Страстную Пятницу!

Джеймс поёжился от пронизывающего ветра и вспомнил собственные навязчивые мысли. Да, тут определённо что-то не так, но он списывал это на непривычную обстановку. Что до Мартина, то Джиму было плевать на него, сейчас его больше волновала собственная головная боль.

– Не...не знаю. Я почти ничего не помню из вчерашнего вечера.

– Кстати! – Грег криво улыбнулся. – Тут одна дама тебя разыскивала! Похоже, после недавних приключений, ты приобрёл поклонницу!

Боцман щелчком выкинул окурок за борт, подмигнул

Джиму и, бормоча под нос проклятия в адрес дрянной погоды, удалился. Вот так раз! Джим начал смутно вспоминать вечерний разговор с... Как её звали? Мелиса, Элен? Милен! Чёрт, какой же он болван! К головной боли добавилось ощущение неловкости и смутного беспокойства: вчера он предстал перед дамой в самом свинском виде, какой только можно было вообразить! И самое ужасное, что уже ничего не исправить! Если он только встретит её, то обязательно извинится. В тяжких раздумьях Джим добрался до кают-компании.

Милен сидела одна на своём привычном месте возле входа. Джеймс сделал два шага к её столику, а потом ноги сами повели его прочь, в угол, из которого он любил наблюдать. Всё внутри клокотало от досады на самого себя, от решимости, охватившей его перед входом, не осталось и следа. Джим сел на край стула и уставился перед собой, делая вид, что не замечает ничего вокруг.

– Доброе утро, – раздался над ухом голос Милен. – Правда, подозреваю, что для вас, Джимми, оно не самое доброе.

– Да уж... – Джиму показалось, что он блеет как испуганная овечка. Он встряхнулся и быстро проговорил: – Я как раз хотел попросить прощения за вчерашний вечер!

Милен улыбнулась и кивнула головой.

– Принимается. Впрочем, я к такому привыкла. За три года в «Блэк кэте» чего только не насмотрелась. Здесь свободно?

– Присаживайтесь! – спохватился Джим, жестом приглашая сесть.

– Если не возражаете...

Милен достала из портсигара длинную дамскую сигарету, закурила. Они сидели какое-то время молча. В кают-компании тем временем царило оживление: приходили и уходили пассажиры. Один раз на пороге появился упитанный мужчина с богатыми усами, в белом колпаке и фартуке; он озабоченно окинул взглядом кают-компанию и быстро удалился на камбуз.

– Здесь не самое удобное место для болтовни, не правда ли? – нарушила, наконец, молчание Милен.

– На этом корабле едва ли найдётся хоть одно уютное место.

Джиму чудилось, что все посетители смотрят сейчас на них. А невидимый Мартин шепчет кому-нибудь на ухо: «Это Джеймс Тимиди – обычный портовый грузчик! Слышал, что он женат!»

– Я знаю одно место, – снова улыбнулась Милен, элегантным движением стряхнула пепел, погасила сигарету. – Вечером жду вас: верхняя палуба, вторая дверь справа от входа.

Она встала. Сегодня на Милен было обычное платье в светлый горошек, с вязанной шерстяной накидкой, заколотой крупной брошью под цвет глаз, и даже в таком простом наряде она умудрялась сохранять грацию и социальные претензии. Быстро простившись, Милен покинула кают-компанию.

нию. Джим сидел, не в силах решиться на какое-либо действие. Похмелье сменилось смятением, растерянностью. Всё как-то неправильно: новая жизнь вцепилась в Тимиди мёртвой хваткой, не успев толком начаться, она тащила его против воли по своей неведомой дороге. И верной ли она была? Его размышления прервал Мартин (неужели он и вправду подглядывал за ними?!). Юнга подсел к Джеймсу.

– Привет. Как ты после вчерашнего?

– Дерьмово, – честно признался Джим. – А тебя, как я посмотрю, минула чаша сия?

Мартин пригладил мокрые светлые волосы и пожал плечами.

– Не мог же я надраться за твой счет на первой же дружеской вечеринке...

Его прервал шум в камбузе. Оттуда в кают-компанию выскочил усатый толстяк, он ругался с кем-то на своём языке. Джеймс и Мартин переглянулись.

– Что случилось? – спросил Джим.

– Как я слышал, – ответил юнга после паузы, – ночью сломалась одна холодильная установка. И никто этого не заметил, так что часть наших продуктовых запасов испортилась. Впрочем, не удивительно – на камбузе любят приложиться к спиртному. Уж не знаю, насколько всё серьёзно, но, судя по крикам этого мистера, дела обстоят не лучшим образом, не лучшим.

Джиму показалось, что Мартин что-то недоговаривает.

Юнга почесал нос, нахмурился – было заметно, что ему не по себе.

– Чёрт побери! – Джимми хмыкнул. – Надеюсь, от голода мы не умрём!

– Не умрём, умрём – эхом откликнулся Мартин и улыбнулся.

Его улыбка напомнила Джеймсу выражение лица Грега, когда тот чуть не выкинул его за борт. По спине пробежал противный холодок. Джим решил выпытать у Мартина причины его беспокойства, но тот поспешил удалиться, сославшись на неотложные дела. Джим снова остался один, он заказал себе обед раньше обычного. На всякий случай.

Поев без аппетита, Джеймс вернулся в каюту, прибрал раскиданные вещи и улёгся на кровать. Нужно было сообразиться с мыслями... Как там его родные? До Англии тысячи миль, до побережья Америки немногим меньше... «Феррис» качался на волнах, убаюкивая, нагоняя дрему. Тени, притаившиеся в углах, колыхались в такт движениям корабля, иногда казалось, что они вот-вот сорвутся со своих мест, побегут по стенам и потолку будто живые. Джим закрыл глаза и почти сразу представил себе Милен. Конечно, эта певичка ведёт себя вызывающе, хотя в привлекательности ей, пожалуй, не откажешь. А какие у неё соблазнительные ямочки на аккуратных плечиках, какие манящие округлости грудей! А изгибы талии? Джим одёрнул себя. У Элис тоже отличная фигура! Может быть она немного худая, но если бы

она могла нормально питаться... И носик у неё такой милый, не какой-то там вздорный пяточок! Он улыбнулся, ощутив лёгкий прилив возбуждения. Да у него просто уже давно не было женщины! Вот и лезет в голову всякое... Эх, как там Фрэнки...

Джим сел и потёр глаза. Кажется, он заснул совсем недавно, но в каюте уже основательно стемнело. Странно, что Грегори не разбудил его, а ведь он наверняка был бы не прочь после обеда размяться партией в покер. Тем более разбушевавшийся дождь вряд ли располагал к прогулкам по палубе. Джим зажёл свет. В эту секунду он уговаривал себя подняться на верхнюю палубу, постучаться во вторую дверь справа от входа. Всё так просто! Он зайдёт, чтобы поболтать о всякой чепухе, в конце концов, ему чертовски хотелось узнать: почему Милен отважилась на это путешествие. Решено! Он тщательно вымылся, побрился и, переодевшись в свежее, вышел из каюты.

Джим быстро поднялся по лестнице и остановился в коридоре верхней палубы. Тихо, пустынно. Ждёт ли она его? Какой вздор! Он повернул было назад, но потом, потоптавшись на ступеньке, вернулся в коридор.

Глава 4

В каюте Милен было действительно уютно. И не только из-за цены на билет – на «Феррисе» люкс отличался от обычных кают разве что размерами да расположением – здесь царила какая-то особая атмосфера благости, спокойствия. В воздухе витал лёгкий запах дорогого табака, разбавленный тонким ароматом духов; светлая сатиновая драпировка закрывала обшивку стен, вместо иллюминатора в каюте имелось окно, завешанное кружевной занавеской. Рядом с окном стоял деревянный стол под бежевой скатертью, на столе воцарилась огромная ваза с фруктами. У противоположной стены располагалась широкая кровать с массивными резными спинками, у изголовья – чёрное лакированное трюмо.

Милен пригласила Джеймса за стол, достала пару бокалов.

– Скотч, бренди? Или предпочитаете виски?

Джим пожал плечами.

– На ваш вкус.

Она подошла к бару. Разрез на её вишнёвом длиннополом платье кокетливо оголял спину и доходил почти до самого пояса, шелковистая ткань огибала плавные линии бёдер, плотно обхватывала ягодицы и сбегала вниз, переливаясь в ярком электрическом свете. Джим, кажется, перестал дышать, восхищаясь красотой и изяществом Милен. Сердце ухнуло, когда она повернулась к нему с бутылкой в руках и,

улыбнувшись, смахнула упавшую на лоб прядь волос.

– Думаю, будет неплохо, если мы перейдём на «ты». Официоз меня утомляет, к тому же... – тут Милен подседа к столу и принялась разливать «Джонни Уокера», – мы как будто уже знакомы.

– Без проблем! – охотно согласился Джим. – Предлагаю выпить за знакомство.

Бокалы издали мелодичный звон. Виски, как и сама Милен, оказался восхитительным – ничего лучше Джим в своей жизни не пробовал. Жгучий напиток распалил его любопытство, наконец, он решился на вопрос.

– Почему ты покинула Англию?

Милен сделала глоток, тряхнула головой.

– Я родом из Лондона. Мои родители были людьми состоятельными, у отца имелась своя фабрика. Он буквально болел ею, она составляла смысл его жизни. Ну и доход фабрика, конечно же, приносила, так что в нашей семье всего имелось в достатке. Единственное, чего не хватало – это наследника. Я оказалась единственным ребёнком, что отца всегда раздражало. И чем старше он становился, тем сильнее было его раздражение. Настолько, что однажды моя мать – она француженка – не выдержала постоянных нападков, бросила его и вернулась на родину, в Париж, – Милен задумчиво поболтала виски в бокале, глянула в окно и, вздохнув, продолжила: – Отец не пережил разлуку – всё-таки он любил её. Три года назад он умер. В наследство мне досталось большое

имение в окрестностях столицы, но жить я там не смогла – в доме всё напоминало мне о родителях, о моей безмятежной юности. В ту пору я занималась музыкой и пением у лучших репетиторов Лондона. Тогда я даже понятия не имела, как это может пригодиться в моей будущей жизни!

Милен усмехнулась. Тут «Феррис» резко накренился, отчего открылась одна из дверей настенного шкафа, но корабль быстро выправился – видимо шторм разыгрался не на шутку, и дверца закрылась со стуком.

Милен продолжила:

– Я продала имение, села на первый попавшийся поезд и поехала, куда глаза глядят. Честно говоря, тогда я плохо соображала, что делаю: сняла в Портсмуте квартиру, и какое-то время бездельничала. Потом устроилась в «Блэк кэтс» петь по выходным. А недавно, месяц тому назад, вдруг поняла, что мне не место в Старом Свете. Рейс в Америку оказался таким же внезапным порывом, как и всё, что я делала до этого.

Джеймс допил свой виски. Что он мог рассказать ей о своей жизни? Сын лавочника Фреда и швеи Элизабет Тимиди. Школу он бросил, недоучившись всего один год. Чудом не попал на фронт ещё бушевавшей в Европе войны, какое-то время маялся без дела, пока не устроился грузчиком в порт. Но Милен, кажется, уловила ход его мыслей и не требовала от Джима исповеди. Она встала, прошлась по каюте. Потом взяла бутылку и плеснула ещё немного виски в бока-

лы. Джеймс украдкой разглядывал декольте её облегающего платья, разрез спереди был почти таким же глубоким, как и на спине. Широкие лямки опускались с плеч и соединялись на животе, даже для вечернего платья оно казалось чересчур откровенным: на Милен не было ни лифа, ни корсета и под тонкой тканью рельефно проступала грудь.

– Предлагаю выпить за наше будущее, – проговорил Джеймс и поднялся. – За новую жизнь, которой мы, чёрт возьми, достойны!

Милен приблизилась к нему, и Джим ощутил восхитительный запах её тела, он кружил голову сильнее любого алкоголя, лишал разума. В её зелёных глазах горел озорной огонёк, от которого бросало в жар, сжимало сердце. Для Джима уже не существовало ничего вокруг кроме этих влекущих глаз, широко распахнутых с длинными чёрными ресницами. Милен была совсем близко, она сплела руки за его шей и томно вздохнула, чуть приоткрыв влажные губы. Тук-тук. Тук-тук. Стучала дверца шкафа. Тук-тук. Тук-тук. Стучало в висках Джеймса. Тук-Тук. Отзывалось где-то в глубине корабля – какой-то странный звук, он едва слышался, но источник будто бы находился совсем рядом. За окном полыхнула молния, глухо зарокотал гром. Джим сжал Милен в крепких объятиях. Она впиалась в его губы поцелуем, от которого захватило дух; это было похоже на взорвавшийся вулкан. Джима окатило волной горячего возбуждения.

Шторм, бушевавший за бортом, казалось, поселился

внутри него, буря застилала взор, рвала мысли в пенные кло-
чья. Джим легко скинул лямки платья с плеч Милен. Она
прикрыла глаза и позволила обнажить себя. Кокетливо пове-
дя плечами, Милен освободила руки от ткани, её пальчики
принялись торопливо расстёгивать пуговицы на его рубаше.
«А ведь рубашку гладила Элис! – вдруг подумалось Джиму,
он замер на секунду. – Вот чёрт, что я делаю?!» Жаркий по-
целуй вновь окунул его с головой в кипевший океан страсти,
она тесно прижалась к нему, задрожала, забираясь руками
под рубашу, тёплые ладони гладили торс, спину и крепкие
бицепсы. А он продолжил стаскивать платье с широких бё-
дер Милен, наслаждаясь прикосновениями обнажённого те-
ла, такого горячего и трепещущего.

Они легли на кровать; Джим ласкал её коричневые нали-
вшиеся твёрдостью соски, целовал животик с впадинкой ак-
куратного пупка и волнительным бугорком внизу, он изголо-
дался по плотской любви и жаждал насладиться Милен, вы-
пить полностью, без остатка, как дорогое виски. Она взды-
хала и вздрагивала, призывно покачиваясь – она была готова
принять его.

Внезапно за стенкой в соседней каюте что-то грохну-
ло. Послышался ужасный, душераздирающий крик. Глухой
удар. Тишина. Джеймс вскочил и остановился у кровати,
прислушиваясь. Но больше ничего, кроме яростного шума
волн и дождя, прерываемого редкими громовыми раската-
ми, слышно не было. Тогда он оделся, застегнулся наспех и

вышел в коридор. Открылась дверь каюты напротив, и оттуда выглянул невысокий пожилой джентльмен в пенсне.

– Вы слышали что-нибудь? – поинтересовался он. – Мне почудилось, что кто-то кричал?

– Я был... – начал Джим, но потом осёкся, – я проходил мимо и услышал какой-то шум и крики. По-моему, вот отсюда!

Он показал на каюту соседа Милен. В коридоре появились ещё двое мужчин и женщина – все они тревожно переглядывались и спрашивали, в чём дело. Один из них громко постучал в запертую дверь и позвал:

– Мистер Брукман! Эй! Что с вами?

Ему никто не ответил. Между тем любопытствующих в коридоре прибывало.

– Нужно послать за капитаном! – крикнул кто-то в дальнем конце коридора. – И за доктором!

Пожилый джентльмен, который первым встретился Джиму, поправил пенсне.

– Я доктор. Думаю, нужно ломать дверь! Может быть, мистеру Брукману плохо... – он окинул Тимиди оценивающим взглядом и сказал: – Вы, молодой человек, думаю, справитесь.

Джим примерился к двери, пожалуй, он сможет вышибить её – годы тяжёлой физической работы в порту сделали его сильным и выносливым.

– Может, подождём капитана? – спросил он.

– Может, пока мы будем ждать, – сердито проговорил доктор и гневно сверкнул пенсне, – мистер Брукман отдаст богу душу?

На лестнице послышался шум. «Дьявол вас всех разбери! – донеслось оттуда. – У меня на мостике дел по горло!» В коридоре появился бородатый крепыш с густой копной рыжих волос; говорил он быстро с заметным ирландским акцентом.

– Что тут у вас? По какому поводу собрание?

– Из этой каюты доносились крики, – пояснил доктор. – И теперь никто не открывает дверь, боюсь, что-то случилось с пассажиром.

– Тысяча рифов! – рыкнул капитан. – И для этого надо было звать меня?! – он повернулся к Джиму. – Что стоишь?! Ломай!

Дверь поддавалась не сразу. После третьего сильного удара ногой, замок не выдержал. Джим хотел было посторониться, но напиравшие сзади люди заставили его первым войти в каюту. Мистер Брукман лежал на спине возле стены, его мертвенно-бледное лицо было вытянуто, а рот перекосило в немом крике. Такой жуткой картины Джеймс отродясь не видывал. От страха голова опустела, невидимая хватка стянула грудь, сдавила горло, мешая дышать. Вошедший следом доктор, а за ним и капитан тоже прибывали в замешательстве.

– Господи Иисусе, – прохрипел капитан и быстро перекрестился. – Что это с ним, док?

Тот покачал головой.

– Первый раз такое вижу, – он присел к лежащему, пощупал пульс, потом провёл руками по лицу, опуская веки, и со вздохом заключил: – Он мёртв.

Шепоток, словно ветер, игравший осенней листвой, пролетел по толпившимся в коридоре.

– Накройте его чем-нибудь, – проговорил капитан, потом крикнул за дверь: – Стэнли! Где ты, бушприт тебе в задницу?! Вы починили холодильник?

На пороге появился Стэнли – высокий, широкоплечий матрос. Он покосился на мертвеца и доложил:

– Да, кэп, он работает.

– Отнесёте тело в холодильник. Продуктов там всё равно уже нет. На Большой Земле разберутся: что к чему.

Стэнли оглянулся на притихших зевак.

– Поможет кто-нибудь? – спросил он без особой надежды, потом обратился к Джиму: – Давай, приятель, не дрейфь. Я смотрю, ты парень крепкий – здесь недалеко нести – а то эти корабельные крысы уже в штаны навалили от страха!

Заслужить очередной позорное звание Джиму не хотелось, хотя при одном виде лица мёртвого мистера Брукмана его подташнивало. Джим потоптался в нерешительности, но всё же встал у ног покойного. Теперь тело было полностью закрыто тонким постельным покрывалом. Стэнли подхватил мертвеца подмышки, а Джеймс взялся за лодыжки. За семь лет всякие грузы приходилось таскать, но такой ему

предстояло нести впервые. «Дорогу! Расступитесь! – кричал капитан, расталкивая людей. – Всё, представление окончено!» Они спустились по лестнице, прошли кают-компанию, миновали камбуз и оказались перед закрытой дверью холодильного отсека. «Тяжёлый, сукин сын!» – ругнулся Стэн и кивнул головой. – Подожди, я открою». Джиму не терпелось завершить неприятную процедуру, видимо, всё было написано на его лице; матрос, поворачивая блестящую круглую ручку, усмехнулся:

– Да ты жмуриков не бойся! Живых боятся надо... А это... Ну, представь, что это рождественский шоколадный заяц!

Джеймс улыбнулся, но вышло это как-то неубедительно. Конечно же, большой шоколадный заяц. Тогда его можно было бы съесть за праздничным столом. Начать обгладывать с головы, высосать джемовые мозги. Потом подцепить вилкой выпученные зефирные глаза, вырвать карамельный язык.

– Пацан! Что с тобой?!

Окрик Стэнли вывел Джима из оцепенения. Дьявольщина какая-то! Он мог бы поклясться, что это не его мысли, будто кто-то другой поселился в голове и думал за него. Джеймс встряхнулся, постарался прогнать назойливый голос.

– Да, всё в порядке, давай поскорее занесём тело.

Кряхтя и чертыхаясь, они затащили труп в маленькое помещение холодильной камеры. Джим решил не дожидаться,

пока Стэн запрёт дверь, и поспешил к себе в каюту. Путь его лежал через камбуз, здесь Джимми чуть не налетел на суетившихся работников, один из них повернулся к нему. От камбузника разило спиртным, но впалые глаза при этом оказались ясными; что-то пряталось в них, что-то, чему Джим не сразу смог подобрать нужного слова. Худосочный мужчина быстро заговорил на своём языке, тыча пальцем в заляпанный плакат на стене. «Мы есть то, что мы едим. Гиппократ» – было крупно написано там большими печатными буквами. Чуть ниже надпись гласила, что вход на камбуз без халата запрещён. Джим негромко чертыхнулся и поспешно ретировался.

Вот и его каюта. Он устало опустился на кровать. Вечер оказался безнадёжно испорчен, радовало только то, что шторм наконец-то поутих. Тук-тук. Стучали в иллюминатор редкие капли брызг и дождя. Джим вдруг сообразил – что же он увидел в глазах того работника, которого чуть не сбил с ног на камбузе. Безумие.

Глава 5

Джеймс встал рано, долго ворочался. В мыслях воцарился жуткий хаос, а в животе – пустота. Вчера вечером он пропустил ужин. Джим встал, размялся немного. Сполоснув лицо холодной водой, он почувствовал себя значительно лучше. Можно было и позавтракать.

Людей в кают-компании в ранний час оказалось немного: трое незнакомых джентльмена за столиком что-то тихо обсуждали, да одинокий матрос за барной стойкой пил пиво. Завтрак оказался скуден, и Джим припомнил слова Мартина об испортившихся припасах. Быстро покончив с тостами и чаем, он решил прогуляться по палубе.

Погода в этих широтах поразила Джеймса своим непостоянством: утро выдалось душным, в тяжёлом влажном воздухе ощущалось грозное напряжение. Солнце, только показавшееся из-за горизонта, едва пробивалось сквозь низкие кучевые облака. Побродив среди такелажа и бочек, затянутых сетью, Джеймс наткнулся на Грегори. Боцман был небрит, с синяками под заспанными глазами. Он мял в руках окурки и иногда оглядывался по сторонам.

– Я уж жду не дождусь, когда мы сойдём на берег! – воскликнул он вместо приветствия.

– Куда ты пропал-то? – удивился Джим.

– Представляешь, – Грег говорил, будто не слышал его, –

на берегу нас ждут женщины и отличная выпивка! Мы предадимся веселью, разрази меня гром! Я обойду все пабы на побережье и... ты со мной, Джимми?

Джеймс растерялся. С чего это старого морского волка вдруг потянуло на берег?!

– Что с тобой, чёрт тебя подери?!

Грег сделал большие глаза.

– Не поминай чёрта, слышишь?! – сорвался он на крик, потом одёрнулся. – Извини, приятель. Я побывал во всяких злачных местах, но такое встречаю впервые... Якорь мне в задницу, если я ещё раз взойду на этот корабль!

Джим начинал сердиться, он схватил Боцмана за локоть.

– Можешь мне объяснить, что происходит?!

Грегори дёрнулся, вырываясь, и сник. «После обеда приходи ко мне...» – тихо проговорил он и, резко развернувшись, скрылся за бочками. Хорошее настроение, которое только начало возвращаться к Джиму, испарилось, как вода с раскалённой сковородки. Он сплюнул в сердцах и отправился гулять вдоль борта; Джим разглядывал огненно рыжий горизонт, наблюдал за большими бесформенными облаками и пенными бурунами, сверкавшими под редкими лучами солнца – это помогало хоть как-то унять раздражение. На носу он повстречал капитана, который внимательно вглядывался в едва заметную тёмно-синюю полосу на небе прямо по курсу. Он узнал Джеймса.

– А, это ты. Как жизнь?

– Так себе, кэп, – буркнул он. – Похоже, моё настроение сроднилось с местной погодой. А она тут чер...э-э-э...ужасно капризная!

– Это точно, – капитан махнул рукой в сторону горизонта. – Видишь? Боюсь, шторм, что мы прошли до этого, окажется пустяковой забавой. Не хочу тебя пугать – хоть ты парень и не из робких, – тут он подмигнул Джиму и ободряюще улыбнулся, – вечером рекомендую оставаться в своей каюте. Все испытания ещё впереди!

Джим поблагодарил за предупреждение. Час от часу не легче: сейчас ему как никогда хотелось взбодрить себя, и против своего обыкновения, он направился в бар. Кают-компания наполнилась пассажирами, за стойкой нашлось свободное местечко в самом углу, откуда, однако, зал хорошо просматривался. После двух стопок виски Джим почувствовал себя веселее, пусть он ещё не вернулся в прежнее расположение духа, но теперь уж точно избавился от уныния.

В кают-компанию зашла Милен. Её сопровождал какой-то мужчина, кажется, Джим видел его вчера в коридоре верхней палубы. Она заметила его: бросила взгляд мимоходом, равнодушно, будто никогда и не знала никакого Джеймса Тимиди. Какой же он был идиот! Как мог позволить так оболванить себя?! Джим проводил глазами пару: на нём – строгий костюм, на ней – очередное платье: чёрное, свободное, с длинной плиссированной юбкой и воланами по бокам. Макияж, завитые волосы, наряды, бижутерия, весь это внеш-

ний шарм Милен вдруг напомнил Джиму занавески в её каюте: красивые полупрозрачные кружева – они прикрывали поцарапанное, мутное стекло в раме с потрескавшейся краской. Шарм-ширма. Скрывавшее легкомысленное, ветренное создание. А, впрочем, какая разница?! Джеймс досадовал только об одном: что так легко сдался. Мог бы он в другое время, в другом месте променять эту профурсетку на свою Элис?! Ни за что!

Его размышления прервали урчания в животе. После такого завтрака голод вернулся очень быстро, и хотя до обеда оставалось ещё около часа, Джим решил не ждать. К его удивлению на обед предлагали только овощи в разных видах, повар-итальянец что-то пытался объяснить на ломаном английском даме в возрасте, но та даже не желала его слушать, громко требуя порцию мясного рагу. «Похоже, нас ждут проблемы с едой! – подумал Джим. – Хорошо ещё, что до берега осталось немного, похоже, по прибытии придётся хорошенько подкрепиться!» Три дня на голодном пайке не пугали его – он и так жил впроголодь последние полгода. Только здесь, на корабле, Джеймс позволил себе расслабиться и ел вволю. До сегодняшнего дня.

Пообедав на этот раз более чем скромно, он вернулся на палубу и сразу же вышел на бак. Маленькая синяя полоска превратилась в грозовой фронт, захвативший половину неба. Плотные иссиня-чёрные тучи, казалось, опустились до самой воды, то тут, то там сверкали разряды молний. Выгля-

дело это пугающе, можно было подумать, что там начинался совершенно другой мир, лишённый света, состоящий только из водяных столбов дождя и ярких всполохов.

Джим спустился на нижнюю палубу, остановился напротив каюты Грега. Сейчас он распахнёт дверь и увидит Боцмана, распластанного на полу, с лицом, вытянутым в нечеловеческом испуге, поседевшего и мертвенно-бледного. Нет! Не может этого быть! Джеймс постучал. Грегори открыл почти без промедления, в его болезненно красных глазах вдруг мелькнул страх. Он тарачился на Джима несколько секунд, потом зажмурился и, коротко кивнув, пустил его в каюту. Тут царил беспорядок, достойный самого заядлого холостяка: повсюду валялись пустые бутылки, окурки и порванные в клочья газеты. Тяжёлое амбре от грязной одежды, пота и укуса не оставляло сомнений в разнузданном пьянстве хозяина каюты. Боцман одним движением скинул со стола обрывки, жестянки, поднял и пододвинул Джиму стул, а сам уселся на кровать и пригладил пятернёй всклокоченные волосы.

– Рассказывай, – потребовал Джеймс.

– Я боюсь, – пробормотал Грег, глядя прямо перед собой, – мне всё время мерещится какая-то дрянь! – Тут он потянулся к прикроватной тумбочке, извлёк оттуда початую бутылку джина и хлебнул из горла. – Только не подумай, что я спятил! До того, как я оказался на «Феррисе», ничего такого со мной не было!

– Ты принимаешь что-нибудь? Мои портовые приятели

рассказывали, что, например, от опийного жевательного табака могут иногда появляться разные видения...

Грег резко подался вперёд.

– Нет! – прервал он Джима. – Только то, что есть в баре. Если бы с этим пойлом что-то было не так, думаю, страдал бы не только я, – Грегори пожевал губы. – Якорь мне в зад! Иногда я вижу людей без руки или ноги, при этом они ходят и разговаривают, как ни в чём ни бывало, а в это время у них из разорванных культей брызжет кровяца. Или у иного джентльмена во время обеда может упасть в тарелку глаз, а он продолжает обедать и съедает его! Понимаешь?! Разрази меня гром, он жрёт собственный грёбаный глаз, как кусок пирога! Я не могу так больше... – Боцман сделал ещё один большой глоток. – Я не выхожу из каюты, чтобы не видеть этой бесовщины! Но и тут мне нет покоя, будто кто-то наблюдает за мной, следит неотрывно...

Джима прошиб холодный пот. В другой раз он решил бы, что его приятель просто свихнулся, но было в его словах что-то, что ощущал и он сам. И чужие мысли в голове, и тревожные тени в углах каюты, и безумный взгляд камбузника. Боцман вдруг встал, прошёлся до иллюминатора, пнул попавшую под ногу пустую бутылку.

– Я думаю, нам надо отвлечься, – предложил Джеймс, выгребая из-под груды мусора колоду карт. – Партию в покер? Пока не начался шторм.

– Шторм? – Грег обернулся и приподнял брови. – А разве

он не прошёл?

Джим рассказал ему о своей встрече с капитаном и грозовой туче.

– Что-то будет, – покачал головой Грегори. – Помяни моё слово... Ах, тысяча тухлых моллюсков, ну его! Сдавай карты!

Глава 6

Джеймс знал цену силе. И он с трепетным ужасом преклонился перед чудовищной мощью, обрушившейся на «Феррис». Всё скрипело, трещало и ходило ходуном. Джима кидало от стены к стене, что он не успел убрать в ящики или надёжно закрепить, летало вместе с ним. Несколько раз корабль сильно кренился, в такие мгновения Джим думал, что теперь уж они непременно пойдут ко дну. Порой Джиму казалось, что «Феррис» – живое существо, которое отчаянно борется за свою жизнь и не желает тонуть. А в его брюхе сидят крошечные человечки, такие жалкие и беспомощные по сравнению с захватившей их стихией.

Джим не представлял, сколько времени прошло с начала шторма, но по его ощущениям природная вакханалия продолжалась всю ночь. К утру, когда стихли последние громовые раскаты, и волны перестали швырять «Феррис» словно щепку, Джеймс совершенно обессилел. Качка, рёв и грохот вымотали его, и сейчас хотелось только одного – поспать. В каюту постучали, и голос за дверью громко объявил, что капитан срочно созывает всех пассажиров в кают-компанию.

В коридоре Джим столкнулся с осунувшимся и всклокоченным Греггом. Они проследовали вместе с остальными к месту сбора, ни проронив по дороге ни слова. В кают-компании собралось уже прилично народу: тут были и знакомые

– завсегдатаи бара, любители прогулок по палубе, но других Джим узнавал с трудом – в основном обитатели «люксов» и пассажиры, плохо переносившие плавание. Такие предпочитали всё время проводить в каюте. Пришедших переписывали поимённо, сверяли с журналами.

Милен он заметил сразу же – она была бледна, обнимала себя; лишённые косметики губы – когда Милен нервно поджимала их – превращались в тонкую розовую полоску, что в сочетании с её носом выглядело отталкивающе. Пассажиры прибывали, кают-компания уже не вмещала всех, кто-то остался стоять в проходах и возле двери. Оживление возле бара сменилось тихим ропотом собравшихся людей. В кают-компании появился капитан. «Леди и джентльмены! – зазвучал его громкий голос. – Нам посчастливилось пережить один из самых сильных штормов! И судя по всему, мы легко отделались. Синяки, ссадины и разбитую посуду я в расчёт не беру. По этому поводу сегодня в обед всем будут розданы бутылки отличного виски из личных капитанских запасов... – его слова потонули в одобрительном гуле и аплодисментах, капитан продолжил, дождавшись тишины: – А вечером наш шеф-повар угостит всех порцией мясного!»

Обладатель шикарных усов, примятого поварского колпака и сероватого с потёками передника, стоял рядом. Шеф-повар улыбнулся. Это была странная улыбка обречённого, вымученная, вынужденная, словно жест вежливости перед тем, как взойти на эшафот. Однако никто не обращал на это

внимания, кажется, собравшиеся пребывали в лёгкой эйфории. Джеймс вздрогнул. Этот блеск в глазах он уже видел. Итальянец заметил взгляд Джима, нахмурился и поспешно скрылся за дверью камбуза.

До полудня Джим спал как убитый. Поднявшись к обеду в кают-компанию, он получил обещанную бутылку от капитана, и хотя зверский аппетит не могли унять пара сэндвичей, тревоги и дурные мысли, наконец, стали покидать его. Он вальяжно развалился на стуле и прикрыл глаза. Чертовски хорошо!

– Вижу, ты один? – раздался знакомый бархатистый голос, принадлежавший без сомнения Милен. – Я присяду.

Джеймс выпрямился, насторожился. Перед ним снова предстала та самая, прятанная за ширмой, хотя теперь Милен выглядела не так шикарно.

– У тебя в списке кончились достойные джентльмены, которые могут угостить тебя какой-нибудь изысканной ерундой?

– Ах, ты про вчерашнюю встречу, – Милен пожала плечами, – это была всего лишь приятная беседа. Он сам пригласил меня, с моей стороны было бы невежливо отказывать. Между нами ничего не было, уверяю тебя.

Она оправдывалась! Джим не мог поверить своим ушам.

– Очень рад, – буркнул он, не найдя, что ответить.

– Продолжим беседу у меня? Не могу, когда на меня пялятся.

Ха! Джеймс с трудом подавил смешок, изобразив подобие учтивой улыбки. Интересно, что будет дальше? Осторожность уступило место любопытству.

– Пойдём, – он коротко кивнул, поднимаясь.

Обстановка в её каюте изменилась: стол был пуст, отсутствовало трюмо, и кровать располагалась теперь у противоположной стенки. Они уселись на стулья возле окна.

– Зеркало разбилось во время шторма, – пояснила Милен, – а после того случая с мистером Брукманом я уже не могла спокойно спать на этом месте. Вот, пришлось немного сменить обстановку. Так даже лучше. Просторнее.

– Легко отделались. Было страшно?

– Немного, – Милен едва заметно улыбнулась, – если честно, я такая трусиха! Всем говорю, мол, ерунда. А на самом деле – всю ночь глаз сомкнуть не могла. Думала, что мы непременно утонем... Зато утром, когда погода наладилась, я, наверное, первый раз за свою жизнь поблагодарила Бога.

– Трусиха? Ну-ну, – недоверчиво протянул Джеймс. – Ты отправилась в плавание на край света! Я едва ли знаю хотя бы одну молодую леди, кто согласился бы на такое!

Милен покрутила локон на пальце.

– Это всё моя вспыльчивость. Иной раз я сама не знаю, чего хочу, но только не сейчас... Там, в Америке меня ждёт новая жизнь, и я иду к ней в полном одиночестве. Я не так уверена в себе, как кажется, – она усмехнулась, – впечатление обманчиво! Мне нужен кто-то, кто был бы рядом, кто-

то сильный, смелый и... и красивый. Как ты.

Ожидал ли он чего-то подобного? Скорее нет, чем да – самому себе врать не имело смысла: Джеймс был сбит с толку, он снова лихорадочно пытался найти подходящие слова.

– Извини, Милен. Я... я не думаю, что подхожу на эту роль. Мы... мы разные. Видишь ли, я всего лишь портовый грузчик, и главное – у меня есть семья. И я люблю их, ради них я отправился в это путешествие. Так что... извини.

Пора было заканчивать разговор. Джим испытывал ужасную неловкость, ему хотелось поскорее убраться из каюты, где всё вдруг стало ему противным: и сладковатый запах, и ухоженность, и эти сатиновые занавеси... И Милен. К тому же, каждую секунду Джим невольно ждал: вот-вот снова раздастся тот самый предсмертный крик, исполненный страха и отчаяния. И становилось ещё противней.

Джеймс простился наспех, ещё раз извинился. Уже через минуту он сбегал по лестнице на нижнюю палубу. Было пусто в голове, а на душе скребли кошки: правильно ли он поступает? Может быть, зря он торопится, и надо всё обдумать? Джим остановился. На полу перед дверью в каюту лежал Грегори, от него разило спиртным – судя по всему, Грег был мертвецки пьян. Джеймс потормошил его за плечо.

– Ты что тут разлёгся? Давай-ка я тебе помогу!

Грегори очнулся, глянул на Джима осоловевшими глазами.

– Я же говорил, якорь...мне...

Слова давались бедолаге с трудом. Джим помог Боцману подняться, отпер его каюту.

– Заходи, да осторожнее!

– Я говорил! – мямлил Грег, выдыхая перегаром. – Это Он играет с нами! Забавляется...

– Кто Он?! О чём ты?!

– Дейви Джонс! Это всё его происки! В задницу мне якорь! Ха! – Грег шумно опустился на кровать, упёрся руками в колени и продолжил свои пьяные бормотания: – Я подслушал... один моряк говорил, что мы сбились с курса. Мы в ловушке, приятель! Ха! Жратвы нет – раз, до берега далеко – два...

– Заткнись ты! – прервал его Джим и заставил улечься. – Проспись лучше!

Силы покинули Грега, он поворочался в кровати, пробубнил под нос какие-то ругательства. Джеймс был уже у выхода, когда Боцман вдруг отчётливо произнёс: «Ха! Труп Брукмана исчез... Три!» И тут же раздался громоподобный храп.

Глава 7

Джеймс спал плохо. Он ворочался с боку на бок, всё никак не мог устроиться удобнее. Сон то захватывал его, то вдруг отступал, как прибрежные воды во время отлива. И Джеймс никак не мог уловить призрачный переход от сна к бодрствованию и обратно. Его всё время окружала непроглядная тьма. Тьма давила, сжимала в своих объятиях, тьма жила какой-то своей особенной жизнью. В её липкой материи трепыхались звуки, будто мухи, запутавшиеся в паутине. Тут и там – трещало и щёлкало; звуки появлялись и поспешно исчезали. И трудно было угадать их источник. Лишь где-то в глубине, там, где тьма сгущалась настолько, что, казалось, её можно потрогать, слышался едва уловимый шорох. Что-то жило там, оно наблюдало и выжидало, приближаясь медленно и неотвратно. Чтобы как хищный паук наброситься на свою жертву.

Джим проснулся. Голова раскалывалась, боль стучала в висках вместе с пульсом. Джим привёл себя в порядок: умылся, гладко выбрился. На секунду задержался у зеркала, рассматривая своё отражение. Лицо осунулось, под глазами наметились синяки. Будто он не отдыхал всё последнее время, а выгружал тяжёлые бочки из огромного грузового трюма. Скорее бы на берег! Как же он чертовски устал от всего: и от постоянной качки, и от непогоды, и от всего, что тво-

рилось вокруг. Джим одёрнулся и направился на палубу. У самого выхода он едва не налетел на Боцмана. Выглядел тот ужасно: заплавленные воспалённые глаза, блуждающий взгляд, лицо, пепельно-серого цвета. Руки его дрожали. Грегори посмотрел сквозь Джеймса. Пробубнил что-то неразборчиво под нос и побрёл вдоль борта, слегка раскачиваясь и прихрамывая.

Джим догнал его.

– Ты в порядке, Грег? Что с тобой?

Боцман опустил голову и вдруг хрипло запел.

Коль в гости ты ко мне пришёл,

Садись со мной скорей за стол.

Но яства прежде чем вкусить,

Лишь об одном хочу спросить.

Реши, иначе быть беде:

Ты у плиты иль на плите.

Он поднял голову и закончил:

Реши сейчас и навсегда:

Повар ты? Или еда?

– Что за бред ты несёшь?! – воскликнул Джеймс. – Ты рехнулся совсем!

– Оставь меня! – рыкнул Боцман, глянув исподлобья. – Уйди!

Грег побрёл дальше, продолжая негромко напевать. Джим

проводил его недоумённым взглядом и решил оставить несчастного в покое. Наверняка, к обеду ему полегчает и он сам заявится с предложением партии в покер. Джеймс направился в кают-компанию. Там было немногочисленно. Барменыло протирал стаканы, худосочный денди за барной стойкой читал газету. Джим заказал овсянку и, против обыкновения, забрался в самый укромный угол. Настроение было прескверным; Джим уселся нога на ногу и уставился в потолок. Он боится. Чертовски боится, и самое ужасное, что он никак не может понять – чего именно. Это был какой-то непонятный, неподдающийся объяснению страх, голодной кошкой царапающий изнутри. Джим крепко зажмурился. Как было бы прекрасно, если бы сейчас – сию секунду – он открыл бы глаза и оказался в комнате рядом с Элис и Фрэнки. Больше всего на свете он хотел сейчас обнять своих родных, забыть об этом плавании как о страшном сне.

«Феррис» вдруг резко дёрнулся и застопорил ход. Джеймс едва не упал со стула, таким резким и неожиданным был удар. С палубы слышались чьи-то крики. Что происходит?! Джим поторопился на палубу. На корме у бортов уже собирались люди, они испуганно переглядывались и показывали на что-то в воде. Джим присоединился к зевакам. За бортом у самой кормы он увидел на поверхности большое бурое пятно, вытянутое по кильватерному следу «Ферриса». Повсюду вдоль борта и чуть дальше, покачиваясь на волнах, плавали какие-то ошмётки. Джеймс обомлел. Это были кус-

ки мяса и ключья одежды. Их уже начали склёвывать рыбы. «Какой-то пьянчужка выпал за борт!» – пробормотал стоявший слева от Джима. «Боже мой, его затянуло под днище и размолото винтами!» – причитал позади высокий женский голос.

– Мистер Джеймс! – окликнули его. Джим обернулся. Перед ним стоял капитан. – Это ты, приятель? Слушай, матросы сказали мне, что ты был последним, кто разговаривал с этим бедолагой. – Капитан хмуро глянул за борт. – Он говорил что-нибудь?

– Грегори?! – воскликнул Джим. Ужас сковал каждую мышцу, мешал говорить. Во рту пересохло. – Чёрт! Нет, он ничего не говорил... По крайней мере, ничего о том, что хочет отправиться на тот Свет. – Джим судорожно сглотнул, припоминая недавний разговор. – Он выглядел неважно и пел какой-то вздор. Я решил, что это с похмелья. Но я и представить не мог...

Джим умолк, он всё ещё не мог поверить в то, что произошло.

– Ну и рейс выдался! – выдохнул капитан. – Ладно, вспомнишь ещё что-нибудь, найдёшь меня на мостике. – Капитан повысил голос и обратился к замершим зевакам. – Всё, расходимся, расходимся!

Люди неохотно подчинились, и палуба быстро опустела. Джеймс вернулся в каюту. Он никогда не чувствовал себя так мерзко, как сейчас. Гибель Грегори будто вывернула его

наизнанку и выпотрошила, оставив лишь пустую телесную оболочку. Он не мог думать ни о чём другом, хотя всеми силами пытался прогнать мысли о несчастном случае. И дело не только в том, что Грег был его единственным другом. Что-то жуткое, отвратительное стояло за этой чудовищной смертью. Джим смутно ощущал присутствие какой-то силы, тёмной, злой. И с каждым часом он чувствовал её всё сильнее, и с каждым часом креп его страх. И Джим теперь начал догадываться, что именно эта неведомая сила была источником его страха.

В каюту постучали. На пороге появился Мартин. «Да на тебе лица нет! – воскликнул он. – Пойдём в бар, тебе срочно нужно развеяться! Сегодня я угощаю, хотя повод на это раз не самый весёлый, весёлый». Джим принял приглашение. Тем более что в каюте в полном одиночестве ему становилось всё больше не по себе. Они уселись за барной стойкой и подняли рюмки.

– Помянем Грегори... – предложил Джим.

Они выпили. Мартин покачал головой.

– Да уж, жуткая смерть, смерть. – Джим не нашёлся что сказать, а Мартин налил ещё и продолжил: – Но это был его выбор.

– Какой ещё выбор? – удивился Джим. – Мне кажется, что он слишком увлёкся алкоголем. К тому же, – он понизил голос и приблизился к Мартину, – его мучили какие-то видения. Он рассказывал мне о них незадолго до смерти.

– Говорят, вы болтали прямо перед тем, как Грег прыгнул за борт.

– Если это можно назвать разговором, – хмыкнул Джим. – Он нёс какую-то околесицу, сейчас, погоди... – Джим нахмурил лоб, вспоминая слова. – Помню только последние строчки:

Реши сейчас и навсегда:

Повар ты? Или еда?

Джеймс оторопело глянул на Мартина.

– Погоди-ка. Ты этот выбор имел в виду? Что за...

Мартин смутился, потёр нос.

– Нет, вовсе нет, – быстро проговорил он. – Я говорю, что у каждого из нас есть выбор: что делать с собственной жизнью. Это как пенни в кармане. Можно потратить его с пользой, а можно просто выкинуть. Выбор мы делаем сами. Грег потратил свой пенни зря, зря. В некотором смысле, он стал едой. То есть то, что потребили, но как в случае с алкоголем пользы от такого потребления никакой. Но он мог быть поваром – тем, кто управляет потреблением. Делает его приятным и полезным.

Джим выпил и поморщился.

– Я не силён в философии. Ты говоришь непонятно. Повар...Еда... Чушь собачья! Грег мёртв. Для кого он и стал едой, так это для рыб. – Джим зажмурился. – Чёрт подери, я до сих пор вижу плавающие куски мяса. И это ужасно...

Они налили ещё по одной. Потом заговорили о прошед-

шем урагане. Мартин утверждал, что проспал всю ночь, как убитый, поскольку до этого две смены помогал в машинном отделении кочегарам. Потом снова помянули Ботцмана. Наконец, Джим решил, что с него хватит. Голова шла кругом, а вкус алкоголя уже вызывал тошноту.

Прежде чем снова вернуться в каюту, Джим прогулялся по палубе. Темнело, на «Феррисе» уже зажигались огни. Глухо стучали молотки – всё ещё ремонтировали гребные винты. К корме Джим решил не приближаться. Он остановился на баке и тяжело прислонился к релингу. Над океаном властвовал штиль. Небо до самого горизонта оставалось чистым. Но эта безмятежность показалась Джеймсу хуже самого сильного шторма – она давила, поглощала волю, забирала мысли. На «Феррисе» вдруг не осталось места, где Джеймс мог чувствовать себя уютно. Корабль стал для него отвратительным домом, домом со старыми, скрипящими половицами, наполненный запахом плесени и старья. Домом с тёмным подвалом, где жили полчища крыс. Домом, где по ночам на чердаке завывает ветер и трещат балки. И хочется поскорее удрать из этого места, но удрать невозможно! Влажный морской воздух пьянил Джеймса сильнее выпитого виски, ужасно хотелось спать.

Джеймс спустился на нижнюю палубу. Остановился возле двери каюты Грегори. Подумать, только! Еще два-три дня назад они сидели за столом, дулись в покер. Обсуждали войну в Европе и делились планами на будущее в Америке. И

вдруг Грегори нет. Джеймс круто развернулся и поспешил к себе. Наверное, Мартин прав – таков был его выбор. Дикий, бессмысленный. Джеймс вошёл в каюту и растерянно глянул на открытую дверцу туалетного шкафчика. Кажется, он закрывал его? Джим машинально захлопнул дверцу и, не раздеваясь, плюхнулся на кровать. Он чертовски устал. Джим начал погружаться в сон. Медленно, неспешно, словно он тонул в густом киселе. Сквозь дрему Джиму казалось, будто сумерки в углах каюты сгустились, налились вдруг неестественной чернотой, превратившись в странные призрачные отростки. С удивлением Джим отметил про себя, прежде чем заснуть окончательно, что эти отростки тянутся к нему со всех сторон.

Глава 8

Джеймс проснулся от громкого хлопка. Что это может быть? Он включил свет и потёр глаза. Оглядев каюту, он заметил, что дверца туалетного шкафчика снова была открыта. Да что с ней такое?! Джеймс нехотя слез с кровати, закрыл дверцу. Но едва улёгся и погасил свет, как в каюте раздался отчётливый и громкий стук. Джеймс чертыхнулся, резко сел и включил освещение. Шкафчик опять был открыт. Но не успел Джим встать, чтобы закрыть её, как она закрылась сама. Джим нахмурился. Что за шутки?! Дверца вновь открылась, потом резко, с характерным хлопком закрылась. Электрический свет мигнул, вспыхнул ярче. Джим почувствовал, как лоб его покрылся испариной. Сердце ухнуло. Тук-тук. Стучала дверца, движимая неведомыми силами. Тук-Тук. Он слышал раньше это звук. Но где?! Дверца двигалась всё быстрее. Спираль в лампочке то раскалялась добела, то едва светилась красным. Тени вокруг двигались, прыгали и дёргались в каком-то диком танце.

Краем глаза Джим заметил движение на стене напротив. Он повернулся. Газетные вырезки, прикреплённые к стене, вдруг рассыпались на сотни кусочков. Кусочки завертелись, подхваченные несуществующим вихрем, взметнулись в воздух. Потом стали прилипать к стене, собираясь в слова. Слова выстраивались в строчки. Джим прочёл первую.

Коль в гости ты ко мне пришёл...

Стук взбесившейся дверцы, ритмичный, громкий, неестественно отчётливый, сводил с ума. Джим сидел, не в силах встать, намертво прикованный к кровати безумным, животным страхом. Он зажмурился, заткнул уши. Это просто сон! Дурацкий кошмар! Джим открыл глаза.

Садись со мной скорей за стол...

Гласила следующая строчка. Руки безвольно упали на кровать. Стук дверцы превратился в рёв. Теперь Джим вспомнил, где он слышал этот звук! Тогда, в каюте Милен. Смутный, на грани слышимости стук. Стук из каюты мистера Брукмана! Буквы собрались в оставшиеся строки песни. Той самой, что напевал перед смертью Грегори.

Реши сейчас и навсегда:

Повар ты? Или еда?

Джим закричал. Дико, отчаянно. Закричал до спазма в груди, до хрипоты. Но его крик тонул в безумном рёве хлопающей дверцы. Зеркало, закреплённое на дверце, разбилось, брызнув миллионом осколков. Джим вскочил. Прочь из каюты! Наверх, наверх! Джим рванул, сшибая всё на своём пути; позади вспыхнула и взорвалась лампочка. Джим не помнил себя от охватившего его беспредельного ужаса; ни осталось ни единого чувства, ни единой мысли – всё было заполнено липким, всепроникающим страхом. Он не понимал, куда он бежит. Перед взором мелькали двери, ступеньки, перила. Он бежал, подгоняемый кошмаром, ему казалось, что

чернильно-чёрные щупальца темноты преследуют его попяткам и готовы вот-вот схватить. Джим больно ударился обо что-то, перед взором вспыхнули искры. Он запнулся, упал. И тьма плотной пеленой окутала его.

Джеймс открыл глаза. Все тело болело. Где он?! Джеймс приподнялся на локтях и огляделся. Проморгался. Мутная пелена, застилавшая взор, сошла. Это была не его каюта. У кровати стоял джентльмен. Джим сразу вспомнил его – это был доктор из каюты напротив Милен.

– Очнулся, – улыбнулся он. – Ну, слава Богу. Как самочувствие?

– Паршиво, – прохрипел Джим и упал на подушку. – Что со мной? Где я?

– Ты, дорогой мой, в корабельном лазарете, – охотно пояснил док. – Уж не знаю, что с тобой случилось, но вчера ночью ты пытался повторить прыжок того несчастного, что разорвало гребными винтами. Тебя утром нашли матросы висящим на релинге у кормы. Ещё бы чуть-чуть...

Джеймс содрогнулся от мысли о том, что было бы с ним, если «ещё бы чуть-чуть».

– Как я там оказался?

Док пожал плечами.

– Тебе виднее, какие черти тебя туда загнали. Перебрал накануне?

– Нет. Мне приснился кошмар. Жуткий, док. Самый кошмарный из тех, что я видел. – Джеймс вздрогнул. – И я не

помню, как оказался на палубе. Я бежал куда-то... Я ничего не соображал от страха.

– Мда, – произнёс доктор, – я такого не припомню, чтобы люди от ночных кошмаров бросались за борт. Да, в общем, ладно. Хорошо, что всё обошлось. Пока отдыхай, набирайся сил.

Док ушёл. Джим закрыл глаза и попытался заставить себя не думать о случившемся. Получалось плохо. Джим не ощущал течения времени: все его существование теперь превратилось в борьбу со страхами и воспоминаниями. Они рвались на свободу, пытались вновь завоевать разум. Но Джим не хотел сдаваться без боя, ему казалось, что если сейчас – вот сию минуту – хотя бы на мгновение он позволит победить себя, то просто сойдёт с ума.

Раздался стук в дверь.

– Привет! Как ты? – поинтересовался Мартин, осторожно прикрывая за собой дверь.

Джим прислушался к ощущениям. Ноющая боль в мышцах отступила.

– В порядке. Стараюсь не свихнуться.

– Я поговорил с доком. Он сказал, что серьёзных травм у тебя нет. И если ты себя хорошо чувствуешь, то мы можем пойти в бар и пропустить по рюмке.

Джим уселся на кровати. Поверх его одежды был надет потрёпанный серый халат. В таком облачении Джим представил себя обитателем лондонского Бедлама и ему стало не

по себе. Он поспешно стащил халат, отыскал обувь.

– Я чувствую себя достаточно хорошо, – усмехнулся Джим, поправляясь, – для того чтобы хорошенько надраться. Я потратил ещё не все пенни!

Мартин улыбнулся.

– Теперь я вижу, что ты и вправду в норме. Пошли!

В кают-компании в обеденный час было непривычно тихо. Они уселись у самого входа, прямо напротив двери в камбуз. Денег на двоих им хватило лишь на бутылку самого дешевого виски. Впрочем, и этому Джим был рад.

– С питанием на корабле дела обстоят всё хуже, – пояснил Мартин. – Сюда почти не приходят. У некоторых остались собственные запасы провианта, вот и сидят по каютам. Капитан обещал разобратся.

– Тут происходит какая-то чертовщина, – сказал Джим. Он пересказал всё, что приключилось с ним ночью в каюте, и добавил, срываясь на шёпот: – Возможно, ты решишь, что я спятил. Но клянусь, всё было очень похоже на явь. Я уверен – я не спал! И это пугает меня ещё больше!

– Тебе тоже предложили выбор?

Джим не успел ответить. Дверь в камбуз отварилаь, и в кают-компанию появился капитан в сопровождении низенького, щуплого камбузника. Тот отчаянно жестикулировал.

– Ну, послушайте! – лепетал он, едва поспевая за капитаном. – На камбузе некому работать! Мне нужен подсобный рабочий! Мне нужен рубщик мяса! Постойте...

– Дьявол! – громогласно ругнулся ирландец и, резко остановившись, ткнул в камбузника пальцем. – Я же сказал, что пришлю кого-нибудь к вечеру. Сейчас все заняты на ремонте. – Тут капитан заметил Джима и Мартина. – Вот отличный парень! Эй, как тебя? Джеймс! Помоги на кухне, а я в долгу не останусь.

Капитан покинул кают-компанию прежде, чем камбузник успел что-либо возразить. Джим смерил его взглядом.

– Это кто?

Мартин пожал плечами.

– Наш новый кок. Предыдущий, кажется, ушёл в запой.

– Значит, так. – Джим встал, громыхнув стулом. – Тебе рубщик мяса нужен, да? А ну-ка, пойдём, посмотрим, что там у тебя за мясо!

Он решительно двинулся к притихшему коку. Мартин поспешно вскочил следом.

– Эй, Джими, остынь, остынь!

Но Джеймс вдруг почувствовал прилив сил, они наполнили его вместе с кипящей, клокочущей злостью. Он схватил кока за воротник и потащил в камбуз. Кок пытался было сопротивляться, но куда там! Джим мёртвой хваткой вцепился в него и тянул по направлению к холодильнику. Мартин следовал за ними. «Открывай!» – приказал Джим. Кок был бледен. Его била крупная дрожь. С трудом совладав с засовом, он распахнул дверь камеры, куда не так давно они со Стэнли укладывали мёртвое тело Брукмана. Труп в холодильнике

не было.

– Твою мать! – выругался Джеймс. – Я так и думал! Грегори был прав... – Он повернулся к Мартину. – Нужно позвать капитана!

– Послушай, Джим, не нужно этого делать... – начал Мартин.

Джим сорвался с места, схватил Мартина за грудки и прижал к стене камбуза.

– Ты что-то знаешь, сукин ты сын! Выкладывай! Какого чёрта дверца в моей каюте живёт своей жизнью?! Что за дьявол поёт песни, от которых выдавший виды морской волк прыгает под гребные винты?! Отвечай! Иначе, клянусь тебе, отправишься вслед за Грегори!

Мартин двумя руками схватился за руки Джима, тщетно пытаясь высвободиться.

– Успокойся, Джим! Я расскажу тебе...кхее...отпусти! Я всё тебе расскажу! Пойдём, там осталось ещё виски, виски! Отпусти меня!

Злость отступила, оставив место опустошённости и мерзкому отвращению. Джим оглядел камбуз. Трое камбузников в перепачканных халатах со страхом взирали на него, выглядывая из-за стоек посуды, как тараканы из щелей. От витавшего в воздухе сладковатого запаха крови и мясного бульона Джима начало подташнивать.

– Пошли отсюда... – прохрипел он.

Они вернулись за столик в кают-компании.

Глава 9

Мартин задумчиво повертел стакан с виски.

– Это случилось два года тому назад, – со вздохом проговорил он и торопливо отхлебнул. – В прошлое плавание. Всё шло как обычно: «Феррис» лёг на курс из Портсмута в Сидней, пассажиров взяли немного, да и груза тоже. Рейс, каких уже не один десяток, десяток. Но по пути капитан отклонился от курса из-за непогоды, и «Феррис» заложил приличный крюк. Припасы подходили к концу, и тогда капитан решил причалить к какому-то острову.

На берегу команда наткнулась на племя канныбалов. Каким-то чудом им удалось не только избежать участи быть съеденными, но и обменять побрякушки и безделицы вроде часов, фляжек и прочей ерунды на запас фруктов и пресной воды. И когда они уже собирались уходить, помощник капитана обратил внимание на ритуальные постройки в деревне. Они были украшены драгоценными камнями! Незаметно прокравшись в одну из построек, помощник обнаружил целые горы золотых монет!

Мартин почесал нос. Подбавил виски и, криво улыбнувшись, продолжил:

– Конечно, он доложил обо всём капитану, капитану. Тот размышлял недолго: вернулся на «Феррис», собрал оружие,

какое было. Подговорил некоторых ребят из числа команды и пассажиров. Они дождались ночи, высадились на остров и перебили племя. Собрали всё золото, какое смогли найти. Потом, уже на борту, один из матросов – из тех, что ходил с капитаном в рейд – рассказывал: когда они уходили из горящей деревни, он якобы слышал предсмертное пение шамана, которого лично потом добил, добил. Среди команды нашёлся матрос – родом из Океании – он предупредил капитана, что, скорее всего, шаман проклял их. Команду и корабль. Конечно, его подняли на смех, и «Феррис» продолжил свой путь.

Вскоре стало ясно, что происходит что-то непонятное. Корабль сбился с курса, и, несмотря на все старания капитана, найти нужное направление почему-то никак не удавалось. А запасы еды, тем временем, подошли к концу. И тогда людям на борту начал приходить один и тот же ночной кошмар: сами по себе хлопали дверцы, а на стене появлялся текст песни. Той самой, что ты уже слышал... Корабль на самом деле оказался проклят. В него вселился злой дух. Он предлагал жертве кошмара сделать выбор: или стать поваром или едой для других. А дальше... дальше всё зависело от самого человека, от силы его духа. Кто-то, как Грегори, прыгал за борт, кто-то умирал от страха. А кто-то принимал предложение. И готовил на камбузе тех, с кем ещё вчера сидел за столом.

Джим поёрзал на стуле. От услышанного мурашки бежали по спине, рот наполнился горькой слюной.

– И что же потом?

Мартин шумно выдохнул и прикончил остатки виски в стакане.

– На корабле в живых осталось всего два матроса, да сам капитан. Ориентируясь по звёздам, им удалось добраться до Большой Земли. Капитан и матрос к тому времени окончательно сошли с ума. Вторым матросом был я. Меня спасло ужасное отравление, которое я заработал сразу после того, как «Феррис» отошёл от острова. Я наелся каких-то диковинных фруктов из тех, что нам дали аборигены. Я провалялся в бреду, кое-что из происходящего мне рассказывал фельдшер. До тех пор, пока он...пока его... В общем, я остался один, хотя и был невероятно плох. Спасли меня чудом врачи на берегу. «Феррис» привели в порядок и с новой командой определили на другой маршрут.

– И ты вновь вернулся на проклятый корабль?! – спросил Джим и недоверчиво глянул на Мартина.

– Видишь ли... – произнёс тот. – Я хочу избавиться корабль от проклятия. Я чувствую за собой вину, ведь это я добил того шамана. Хотя тогда я поступил скорее из жалости. А теперь я готов искупить вину.

– Но как? Как можно избавиться от напасти?

– Я расспросил знающих людей. Я перерыл все книги в библиотеке. Есть только один способ снять проклятие: вернуться на остров и совершить ритуальное сожжение останков того шамана. И ты можешь мне в этом помочь, Джим.

– Но как?!

Мартин наклонился над столом и зашептал, оглядываясь.

– Мы должны подменить карты и испортить компас. Я всё рассчитал! Примерно через два дня мы должны будем пройти мимо того же самого острова. Припасы к этому моменту иссякнут окончательно, и мы вынуждены будем сделать остановку. Ну, а там видно будет... Нужно действовать как можно скорее, скорее! Пока на корабле не наступит голод, дух не проснётся в полную силу. Но если это случится – все твои ночные кошмары покажутся детской шалостью. Нужно попытаться сегодня ночью. Ты со мной?

Джим размышлял. Обманывает ли его Мартин? Джима всё ещё не покидало ощущение недосказанности: наверняка, этот пройдоха рассказал ему не всю правду.

– А почему бы не объяснить всё капитану?

Мартин откинулся на спинке стула и отставил пустой стакан.

– Не смеши меня! Думаешь, он поверит?

Джиму пришлось согласиться. Чтобы верить в такое, нужно было встретиться с духом один на один в ночном кошмаре. Но капитан не был похож на человека, которому плохо спалось по ночам.

– О'кей. Я с тобой! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Они договорились, что Мартин постучит в каюту Джима за пятнадцать минут до трёх. Как пояснил Мартин: к этому времени обычно заканчивается ночная вахта. И он поста-

рается сделать так, чтобы к концу смены вахтенные спали крепким сном. Как он думал, учитывая тяжёлый ремонт и постоянное недоедание, устроить это будет не сложно. Потом в их распоряжении будет около десяти минут до того, как подойдёт следующая смена. «Всё, – произнёс Мартин, поднимаясь, – меня ждут в машинном отделении. До встречи, Джим! Я на тебя рассчитываю!» Мартин ушёл, а Джим остался сидеть за столиком с недопитым виски. Куда пойти? Пожалуй, был один человек, которого он мог бы навестить.

Джим постучал в знакомую дверь. Милен открыла не сразу. «Прости, – буркнула она, – приводила себя в порядок». От неё шёл едва уловимый запах спиртного. Милен закурила и уселась возле окна. Больше она не казалась Джиму красивой: взъерошенная, с запавшими глазами, подёрнутыми хмельной дымкой, в растрёпанном коричневом платье – сейчас она походила скорее на опустившуюся работницу публичного дома, чем на певичку благородных кровей.

– Зачем пожаловал? – грубовато спросила она, резко выпуская дым вниз.

– Хотел предупредить тебя.

– О чём? – Она скривилась в усмешке и затянулась. – О чём ты хотел меня предупредить, несчастный Джеймс Тимиди?

Джим с трудом подавил отвращение.

– Не ешь на этом корабле ничего мясного.

Милен встала, посмотрела в окно.

– С чего бы это? Я ужасно голодна. На этом дрянном корабле давно ничего не предлагают. Так почему я должна отказываться от хорошего куса бифштекса? А, Джеймс-трусишка? Почему?

– Потому что этим бифштексом может оказаться твой сосед! Или я...

– Что за чушь ты несёшь?! – воскликнула она. – Ты пьян?

– Ни капельки. Послушай меня, звучит глупо, но...

– Это звучит глупо, – прервала его Милен, – потому что ты сам глуп. Глуп и труслив!

– Не смей говорить так! – взорвался Джим. – Ты не понимаешь, с чем мы имеем дело!

– О, да! Чего ты боишься, Джим? Зачем ты хотел покончить с собой? – Она покачала головой и погасила сигарету. – Уйди, Джеймс Тимиди! Оставь меня!

Джим сжал зубы. Как она смеет! Злость вновь охватила его. Злость и обида. Джим резко повернулся и выскочил из её каюты, кипя от гнева. Зачем он только решился на это путешествие! Будь оно трижды неладно!

Глава 10

Снова штормило. Пока шторм был слабым, но Джим почти не сомневался, что к ночи станет хуже. Только бы шторм не помешал их плану! Как и сказал Мартин – большинство пассажиров предпочитало оставаться в каютах. Палуба была пуста. Ремонтные работы давно закончили, и «Феррис» набрал ход. Джим оглядел небо. Оно было затянуто сталисто-серой пеленой, сгущавшейся к горизонту в иссиня-чёрные тучи. Джим бесцельно бродил среди такелажа, несколько раз останавливался то у одного борта, то у другого. Где-то там, среди этой огромной массы воды спрятался крошечный кусочек суши. Там они смогли бы пополнить запасы. Там они могли бы избавиться от страшного проклятия. Джим поймал себя на мысли, что воспоминания уже не так тревожат его. Но он отчаянно не хочет возвращаться в свою каюту. Начавшийся к вечеру мелкий прохладный дождь и резкий, пронизывающий ветер всё же прогнал его с палубы.

Джим медленно отпер дверь и осторожно вошёл. В каюте царил сумрак. Джеймс шагнул внутрь. Под ногами хрустнуло стекло. Джеймс вздрогнул и бросил взгляд на покосившийся туалетный шкафчик. Бритвенные принадлежности выпали и лежали в куче зеркальных осколков возле умывальника. Джим щёлкнул выключателем. Как он и ожидал – света не было. Да и зачем он ему? Джим заперся, уселся на кроватку

ти. Дождь хлестал по мутно светившемуся кругу иллюминатора. Совладать с собой было не просто. Хотелось вскочить и поскорее убраться отсюда. Джим встряхнулся. Ну, уж нет! Будет он бояться каких-то кошмаров! Он прошёл через это! Пусть к нему пожалуют хоть все злые духи! Джим усмехнулся и сжал кулаки.

Ему нужно попробовать поспать. Он вытянулся на кровати и прикрыл глаза. В животе ныло и урчало. Он голоден. Джеймс одёрнул себя. Да хватит жаловаться! Давно ли он так же голодал, там в Портсмуте. Джим ясно представил себе маленькую комнатку, представил Элис в домашнем платье. Она суежилась над грязной посудой, а рядом путался под ногами малыш Фрэнк. Он дёргал Элис за край платья и спрашивал, когда они опять будут есть. Хотя обед только что закончился.

Джим открыл глаза. В каюте было светло. Но свет шёл не от иллюминатора и это был не электрический свет. Джим не мог этого объяснить, но он видел каюту как днём. Теперь он обратил внимание на крупные заголовки статей на газетных вырезках.

Джимми-трусишка, страху поддался

И Джим всё понял. Дух снова пожаловал к нему. Это снова кошмар. Но теперь всё будет иначе! Джим встал, прочитал следующий заголовок.

Выбор ты сделать свой отказался

Со стуком распахнулась дверца прикроватной тумбочки.

В углах каюты сгустились тени. Буквы менялись с калейдоскопической быстротой. Появились новые надписи.

Но проклят корабль – от судьбы не уйдёшь

Дверца продолжала хлопать, но Джим не обращал на неё никакого внимания. Он хищно оскалился и пробежался глазами по последней строчке.

А значит, сегодня же ночью умрёшь!

Джим стоял в трактире. За плечо его крепко держал тот самый здоровяк, которому Джим задолжал две пинты пива. Здоровяк угрожающе навис над ним, прорычал: «Где моё пиво, сукин ты сын?!» Джим сжал кулак. Размахнулся и изо всех сил врезал матросу прямо между его пьяных свинячьих глаз. В следующее же мгновение Джим снова обнаружил себя в каюте «Ферриса». Он стоял, тяжело дыша, а вокруг виделись похожие на змей маслянисто-чёрные щупальца тьмы. Джеймс отмахнулся от них, рванул к стене, на которой продолжали плясать клочки газетной бумаги с буквами. И он принялся с остервенением рвать их в клочья.

Три громких стука, шедшие откуда-то сбоку, привели его в чувство. Джим открыл глаза. Он сидел в кромешной тьме, что-то крепко сжимая в руках.

– Это Мартин! – услышался глухой голос.

Джеймс утёр пот, струившийся по лбу и вискам.

– Иду! – крикнул он в темноту.

Джим поднялся, осторожно добрёл до двери. Нашупал замок. Свет из коридора больно резанул по глазам.

– Спишь? – спросил Мартин.

– Да, опять кошмары.

Джим поднял руку и разжал кулак. На пол посыпались клочки газетной бумаги.

– Пойдём! – ободряюще шепнул Мартин и оглянулся на пустынный коридор. – Мы должны победить!

Джим кивнул и вышел за Мартином. Они, стараясь ступать как можно тише, вышли на палубу. Мартин провёл их к лестнице, ведущей к служебным надстройкам корабля. Здесь они задержались. «Слушай, Джим, – тихо произнёс Мартин, прижавшись почти к самому уху. – Ты должен сам поменять навигационную карту и прицепить кое-что под судовой компас. Там есть небольшая ниша – ты легко найдёшь её. А я пока постараюсь задержать вахтенную смену». Он вложил в руку замершему Джиму свёрток и исчез в сумраке.

Джеймс поёжился. Он представления не имел, как сможет выполнить это поручение. Джим всего два или три раза бывал на мостике и весьма смутно представлял себе внутреннюю обстановку. А что же матросы на вахте? Неужели, они спят? «Феррис» уже заметно качался на волнах, ветер усиливался. Джим огляделся. Никого. Нужно поторопиться. Будь что будет! Он глянул на горящие огни штурманской рубки и решительно вскарабкался по лестнице. Осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Тихо. В полукруглом помещении царил полумрак. Один вахтенный примостился на высоком стуле возле штурвала. Его голова мерно покачивалась в такт

дыханию. Второй матрос сидел за столом перед навигационной картой. Он сидел, вытянув ноги и сложив руки на груди, и, кажется, клевал носом. Джим затаил дыхание. Сейчас даже стук собственного сердца представлялся ему слишком громким. Спят ли вахтенные? И если спят – достаточно ли крепко, чтобы не заметить постороннего на мостике?

Джим сделал шаг, потом ещё. Он был уже у самого компаса, когда вдруг резко включился свет. Позади раздался громкий щелчок взводимого курка. Вахтенные вскочили со своих мест и преградили путь к приборам. Джим обомлел. Он стоял не в силах пошевелиться. Потом медленно повернулся. В дверях стоял капитан с револьвером в руках.

– Опять ты?! – гаркнул он и опустил оружие. – Клянусь Посейдоном, ещё секунда, и я бы вышиб тебе мозги! – Капитан забрал свёрток из рук Джима. – Что здесь у нас?

– Я могу всё объяснить... – начал оправдываться Джеймс.

– Заткнись! – рявкнул капитан и развернул поддельную карту. К его ногам упал железный брусок. – Ты хотел поменять навигационную карту? – ирландец поддел ногой брусок. – Что это? Магнит? Какая глупая затея, сынок. Про карты у штурмана и те, что хранятся у меня в сейфе, тебе не рассказали? Как видно, забыли упомянуть и про гирокомпас. – Капитан сардонически хохотнул. – Да тебя просто подставили, и явно хотели, чтобы тебя прихлопнули. Уж не Мартинли, а? Я давно за ним приглядывал, как оказалось – не зря. Его, кстати, уже поймали. Скоро ты присоединишься к нему.

Думаю, вам будет о чём поговорить под замком. А я пока решу, что делать дальше. Уведите!

Один из стоявших рядом матросов грубо подтолкнул Джима к выходу. Джим был подавлен, мысли путались. Что же делать?! Рассказать всё капитану? Но он, скорее всего, поднимет его на смех. Так в тягостном молчании его довели до машинного отделения, где возле громоздкой двери с большой круглой ручкой дежурил ещё один матрос. Джеймса бесцеремонно затолкали в едва освещённую тесную каюту. Мартин был уже тут – он сидел у дальней стены, прижавшись спиной к металлической обшивке, и смотрел перед собой. За спиной лязгнула дверь, противно скрипнули засовы. Джим вздохнул. Пахло сыростью и ржавчиной. Слышался глухой гул мощных паровых машин, по стенам иногда пробегала лёгкая вибрация. В простой льняной рубашке и холщовых брюках Джиму сразу стало холодно.

– Ты знал, что так получится, – зло процедил Джим. – Зачем ты хотел подставить меня?

Мартин медленно поднялся и повернулся к Джиму. На его левой щеке от скулы к подбородку тянулась заметная царапина. Вечно улыбающееся лицо юнги сейчас выглядело пугающе пустым.

– Это ты подвёл нас, – проговорил он и сделал шаг навстречу.

Сейчас они стояли вплотную друг к другу. Джим был немного выше Мартина, и тому пришлось задрать голову.

Но сделал он это чуть больше, чем нужно, отчего его взгляд его стал надменно-насмешливым. Шторм усилился настолько, что из-за качки стало трудно удерживать равновесие.

– Ты лжёшь мне! – произнёс Джим. – Ты хотел, чтобы капитан пристрелил меня! Так?

Мартин несколько не смутился. Он оставался равнодушным, только в глазах вдруг промелькнула искорка какого-то дьявольского веселья. Джима прошиб озноб.

– Зачем ты рассказал капитану о нашем плане? – спросил он и склонил голову набок. – Испугался?

– Я ничего не рассказывал...

Мартин вдруг широко улыбнулся. Улыбка его была неестественной, пугающей, скорее, она походила на хищный оскал. Белобрысы брови выгнулись дугой, пигментные пятна на лице запрыгали, задёргались на многочисленных мимических складках. Лицо из пустого превратилось в омерзительную злобную маску.

– Джимми-трусика, страху поддался! – вымолвил он, слащаво шепелявя. – Выбор ты сделать свой отказался...

Джим отпрянул. Мартин напряжился, принялся слегка раскачиваться из стороны в сторону в противоход кренам «Ферриса». Пальцы его скрючились, руки сошлись вместе, будто сжимали что-то.

– Какого чёрта?! – воскликнул Джеймс. Несмотря на холод, пот заструился по спине.

– Но проклят корабль! От судьбы не уйдёшь! – крикнул

Мартин и бросился вперёд.

Увернуться в тесном помещении было невозможно. Юнга вцепился в горло мёртвой хваткой. В глазах Джима потемнело, стало трудно дышать. Но он не растерялся. Нахлынувшие было страх и паника уступили место неистовой ярости. Той самой, что он уже успел испытать во время последнего кошмара.

– Значит, сейчас непременно умрёшь! – прогремело в каюте.

Голос уже мало походил на юношеский баритон Мартина, Джим мог поклясться всеми святыми, что услышал голос самого Сатаны. Ярость предала силы. Джим упёрся одной рукой в грудь Мартина, а второй ударил прямо в оскалившееся лицо. В эту же секунду корабль вздрогнул, закрипел, протяжно, отчаянно. «Феррис» резко накренился, и Джим почувствовал, как падает. Через мгновение последовал удар, от которого помутнело сознание. Горло освободилось, воздух резким потоком рванул в лёгкие. Подступила тошнота. Джим плохо соображал. Он с трудом поднялся на четвереньки, закашлялся, хватая воздух ртом. Только бы не упасть! Он хватался за ускользящий Мир, за остатки ощущений. Но вскоре сдался.

Глава 11

Джим очнулся. Он лежал на полу. Голова шла кругом, всё ещё немного подташнивало. Джим с трудом поднялся и огляделся. Мартина в каюте не оказалось, дверь была распахнута и раскачивалась на петлях вслед за кораблём. Не было слышно гула работающих механизмов. Неужели, «Феррис» застопорил ход? Из коридора доносился какой-то шум. Джеймс вышел из каюты. В проходе спиной к нему стоял какой-то матрос, он обернулся на звук шагов. Джим вздрогнул. «Эй, приятель! – крикнул он. – У тебя кровь на лице!» Матрос не обратил внимания на его слова. Он смотрел на Джима пронзительным, одержимым взглядом, таким же, какой был у Мартина перед прыжком.

Матрос, опираясь руками на стены, развернулся к Джиму. На серых металлических панелях коридора остались бурые отпечатки его ладоней. Только теперь Джеймс заметил тело, лежавшее на полу сразу за матросом. Чуть дальше валялся окровавленный пожарный топор. Матрос прыгнул. На этот раз Джим был готов: он чуть пригнулся, уворачиваясь от рук, и изо всех сил ударил нападавшего в челюсть снизу вверх. Противно хрустнуло, тупая боль вонзилась в костяшки кулака. Матрос рухнул на пол, как картофельный мешок, выскользнувший из рук неумелого грузчика. Джим перешагнул

через распластавшегося на полу матроса и осторожно подошёл к окровавленному телу. Стараясь не смотреть на развороченную грудную клетку, он поднял топор. Железная ручка была липкой от крови.

Джим поспешил из машинного отделения. На палубе творилось что-то непонятное. В полумраке среди такелажа мелькали фигуры людей. Там и тут сквозь шум разбивавшихся о борт «Ферриса» волн слышались крики и предсмертные вопли. На одной из мачт вспыхнул и погас прожектор. Нужно отыскать капитана! Джим ринулся к мостику. В рубке всё ещё горел свет, возможно ирландец находился там. Джеймс не был уверен, но других идей у него всё равно не имелось. Он взбежал по лестнице. Из дверей, ведущих на мостик, выскочил вахтенный, тот, что сидел у штурвала. Света на палубе хватило, чтобы разглядеть его искажённое злобой лицо. Вахтенный уставился на Джима, оскалился, готовясь к прыжку. Джим коротким движением вогнал лезвие топора вахтенному под колено. Тот взвыл, схватившись за ногу, и припал на здоровую. Джим быстро перехватил оружие и наотмашь ударил обухом в висок. Во все стороны брызнула кровь; матрос потерял равновесие и, неуклюже перевалившись через перила, упал на палубу.

Джеймс ворвался на мостик, держа топор наизготовку. Мостик и штурманская рубка оказалась пуста. Загремели ступеньки. Кто-то быстро поднимался по лестнице. Дверь распахнулась. На пороге стоял Стэнли. В руках он держал

обломок какой-то трубы. «Я хочу есть! – прорычал он и плотоядно уставился на Джима. – Здесь есть еда!» Джим не успел ответить, Стэнли пошёл в атаку. Первым же ударом он выбил топор из рук. Джим попятился и инстинктивно закрылся руками. Стэнли занёс обломок трубы для последнего сокрушительного удара, и в этот момент громыхнул выстрел. Лоб одержимого треснул, обнажив белые кости, глаза выскочили из глазниц. Стэнли медленно осел и грузно завалился на бок.

– Тебе здесь мёдом намазано, Джимми? – хладнокровно поинтересовался капитан, убирая револьвер за пояс.

– Я вас искал!

– К дьяволу церемонии, – усмехнулся ирландец и протянул руку. – Капитан Брендон к твоим услугам!

Джим пожал крепкую сухую руку и кивнул в сторону палубы.

– Что происходит?!

– Откуда мне знать? – пожал плечами Брендон. – Все словно с ума сошли! Кидаются друг на друга, жрут живьём. Дьявольщина какая-то творится. – Капитан поспешно перекрестился. – И чует моя задница – это всё как-то связано с Мартином!

– Думаю, мне есть что рассказать... – пробормотал Джеймс.

Он принялся за рассказ. Джим выложил всё, что знал: и про ночные кошмары, и про проклятие, наложенное на

«Феррис». Рассказал и о своей схватке с Мартином. Брендон слушал внимательно, иногда бормотал: «Иисусе!» И истово крестился.

– Вот что мы сделаем, – произнес капитан, когда Джим закончил рассказ. – Я уже подал сигнал SOS, надеюсь, кто-нибудь да услышит нас. Маршрут здесь оживлённый. А пока нужно собрать всех, кто ещё не одержим злым духом. Погрузимся на спасательные шлюпки, а корабль спалим к чёртям акульим! Нет лучшего оружия против зла, чем святой очистительный огонь.

Джим покосился на мёртвого Стэнли. Непростая задачка! Он бросил взгляд на полубак. В луче уцелевшего прожектора мелькнула знакомая фигурка. «Мартин! – воскликнул Джим, хватая Брендона за плечо. – Я видел его!» Капитан выхватил револьвер и бросился к лестнице. Джим подхватил с пола топор и поспешил за Брендонем.

– Куда эта сволочь направилась?! – взревел капитан, остановившись на верхней ступеньке.

– Кажется, в машинное отделение! – отозвался Джим, ткнув топором в предполагаемом направлении.

Они сбегали на палубу. Навстречу из темноты выскочил, хрипя и булькая, пассажир с багром в руках. Он не успел даже как следует замахнуться – Брендон стрелял быстро и точно. Нападавший с прострелянной головой шлёпнулся навзничь, дёрнулся и затих. Они двинулись дальше. Капитан осторожно вошёл в коридор машинного отделения. Ти-

хо. Джим вошёл следом и огляделся. В проходе осталось лежать тело того несчастного с разбитой грудью, возле которого Джим нашёл топор. Тихо. Они прошли в машинное отделение. Помещение оказалось не таким большим, как представлял себе Джим. Вдоль стен слева и справа высились металлические бочки, установленные на цементном ложементе. Некоторые были опутаны проводами и медными трубками разных размеров. Где-то зашипел клапан, выпуская струю пара. Шаг. Ещё шаг.

Джеймс слишком поздно заметил метнувшуюся сбоку тень. Мартин ударил лопатой для угля Брендона по руке, в которой тот держал револьвер. Оружие выскочило и, звякнув об пол, отлетело. Следующий удар пришёлся капитану в лицо. Хрустнул деревянный черенок. Брендон вскрикнул, схватился за голову и рухнул на колени. Мартин ударил ещё раз, и капитан распластался на полу. Джим прыгнул вперёд и замахнулся было топором. Но Мартин, отбросив сломанную лопату, проворно скользнул в сторону и подхватил упавший револьвер.

– Бросай топор! – приказал он, взводя курок.

Джим подчинился. Он медленно опустил орудие на пол, но так, чтобы можно было легко подцепить его ногой. До Мартина было всего три или четыре шага. Нужно лишь, чтобы он отвлёкся хотя бы на секунду, тогда оставался призрачный, но шанс. Брендон пришёл в себя и тихонько застонал, поднимаясь.

– Что тебе нужно, Мартин? – спросил Джим.

– Ты чуть всё не испортил! – проговорил юнга. – Ты оказался гораздо смелее, чем я ожидал! Как и этот ушлый капитан.

Брендон привстал на одно колено. По его лицу струилась кровь.

– Ты мразь... – прохрипел Брендон, силясь встать на ноги. – Приспешник Сатаны!

– Не совсем, – улыбнулся Мартин. В мерцающем свете огня паровых топок его лицо выглядело ещё более дьявольским. – Я служу этому кораблю. И тебе, Джимми, предлагаю присоединиться ко мне. Мой Дух-покровитель подарит тебе невероятную силу! И с каждым таким рейсом она будет только возрастать! Мы будем питаться кровью и страхами...

– Это ты испортил холодильную установку! – пробормотал капитан, отплёвываясь от крови.

Мартин пожал плечами.

– Надо было как-то начать эту увлекательную игру!

– И это ты заставил Грегори броситься под гребные винты, – проговорил сквозь зубы Джим.

Мартин ухмыльнулся и поиграл револьвером.

– Грегори оказался слишком впечатлительным. И не таким смелым, как я предполагал. Я надеялся, что он не откажется помочь на камбузе. Честно признаться, я даже не ожидал, что он поступит так необдуманно. Впрочем, задержка в пути была мне только на руку!

Брендону удалось подняться на ноги, он стоял, с трудом удерживая равновесие.

– Я с самого начала был против твоего возвращения в команду, – глухо сказал он. – И сожалею, что поддался уговорам начальства. – Брендон сплюнул и произнёс, выделяя каждое слово: – А теперь как капитан я приказываю... Убейся! Вон! С моего корабля!

Брендон ринулся вперёд, рыча как раненый зверь. Через мгновение он оказался между Мартином и Джимом. Тут же хлопок выстрела отозвался громким металлическим эхом. Капитан вздрогнул, на его кителе в районе лопатки тотчас появилось большое тёмное пятно. Брендон сделал ещё один неуверенный шаг и всем телом навалился на Мартина. Вместе они рухнули на пол. Капитан был крупнее щуплого юнга, и тому потребовались бы немалые усилия, чтобы выбраться из-под Брендона.

Вот он, шанс! Счёт пошёл на секунды. Одна. Джим носком ноги поддел рукоять и подбросил топор. Две секунды. Он ловко поймал топор двумя руками и одним прыжком оказался возле трепыхавшегося Мартина. Тот уже спихнул Брендона и поднимал руку с оружием. Три! Джим обрушил топор на голову Мартина со всей силы, на которую был способен. Лезвие с отвратительным хрустом вошло в череп. Мартин содрогнулся, скрючился в судороге. Что-то внутри «Ферриса» закрипело; с пугающим треском заходили ходунки балки и переборки. Брендон со стоном перекатился на

спину.

– Ты прикончил этого ублюдка? – прохрипел он.

Джим покосился на тело, бившееся в конвульсиях.

– Похоже на то, кэп. Ты как?

Брендон шумно сглотнул.

– Хреново, якорь мне в задницу... Плохо моё дело...

– Я найду врача...

– К дьяволу врача! – прервал его Брендон и сел. – Мне уже не помочь. Так что слушай мой приказ, Джимми. Действуй по нашему плану: собери всех, кто ещё не сбрендил, и вали отсюда на всех парах... А я пока... – Капитан закашлялся и попытался встать. Джим помог ему, подставив плечо. – Я пока немного поработаю с котлами. У тебя на всё про всё не больше получаса. А потом мы дадим шикарный салют...кхе... – Брендон засмеялся, харкаясь кровью. Махнул рукой. – Всё! Уходи!

Джеймс ещё раз глянул на труп Мартина. Топор, пожалуй, ещё пригодится. Как и револьвер. Борясь с отвращением, Джим забрал оружие и поспешил к выходу.

Глава 12

Джим спустился на нижнюю палубу. Остался здесь кто-нибудь? Он открыл первую каюту. Пусто. В каюте напротив – тоже никого. Следующая дверь оказалась закрытой. Джим подёргал ручку, прислушался. За дверью раздался тихий всхлип. «Откройте! – крикнул Джим. – Есть живые?» Тихо. Недолго думая, он разбил топором замок и пнул дверь ногой. На койке, вжавшись в самый угол, сидела девчонка лет тринадцати. Он вскинула руки, пытаясь загородиться от Джима, и закричала от страха. «Тихо ты! – приказал Джеймс, убирая топор за спину. – Я не трону тебя! Где твои родители?» Девочка тяжело всхлипывала и мотала головой. Мокрые от слёз каштановые пряди прилипли к её щекам. «Ладно. Успокойся, о'кей? – тихо проговорил Джеймс. – Пошли! Пошли за мной, мы покидаем корабль!» Он повернулся и вышел из каюты. Девочка последовала за ним.

В двух других каютах прятались ещё две семьи: невысокий плюгавенький мужичок с редкой бородкой, с ним была жена и малолетний сын, и две престарелые сестры в одинаковых линялых платьях. Все они были перепуганы до смерти и с недоверием поглядывали на вооружённого и перепачканного кровью Джима. Тот криками и угрозами заставил их покинуть каюты. Вместе они двинулись на палубу. У выхода

к ним присоединился матрос, которого Джим сначала едва не пристрелил, приняв за одержимого. «Веди людей к спасательным шлюпкам! – обратился Джеймс к матросу и вручил тому револьвер. – А я пока проверю верхнюю палубу!»

Здесь вопли с палубы и шум борьбы слышались гораздо сильнее, чем внизу. Кают было меньше, но большинство из них пустовало. Остались лишь разбросанные вещи: платья, сюртуки, какие-то тряпки и раскрытые чемоданы. В одной из кают Джим обнаружил основательно обглоданный труп. Это жуткая картина заставила желудок сжаться в болезненном рвотном спазме. Но ел Джеймс давно, и во рту остался только горький привкус желудочного сока. Джим сплюнул. Там и тут на стенах и на полу виднелись кровавые следы, иногда попадались следы от пуль и стреляные гильзы. Видно было, что люди отчаянно сопротивлялись.

Двери двух последних кают оказались запертыми. Джим постучал в первую.

– Что нужно! Убирайтесь! – раздалось за дверью.

– Эй, док! – громко позвал Джим. – Это я, Джеймс Тимиди! Помните? Я пытался спрыгнуть за борт! Откройте! Я не причиню вреда. Мы покидаем корабль, здесь скоро всё взорвётся! Слышите меня?

Прошло секунд десять. В каюте послышалась возня, щёлкнул засов. Дверь отварилась. Док стоял у порога. Завидев Джима, он отпрыгнул и выставил перед собой скальпель.

– Предупреждаю! Я буду защищаться!

Джим улыбнулся, отложил топор.

– Надеюсь, вы ещё не сошли с ума! Иначе, мне придётся вас его лишит вместе с головой, док.

Они стояли и смотрели друг на друга, пока доктор, наконец, не опустил скальпель.

– Извини. Тут такое творится...

– Знаю. Нужно уходить. Вы видели Милен?

Док отрицательно покачал головой. Тогда Джим попытался вскрыть дверь её каюты. На последнем ударе топором намертво застряло в искорёженном замке. Как ни пытался Джеймс, вытащить топор так и не смог. Выбив дверь ногой, он обнаружили каюту пустой. Они вернулись на палубу. «Идите к шлюпкам, док, – сказал Джим. – Я попробую найти Милен!»

Шторм поутих, качка заметно ослабла. Джим осторожно крался среди бочек и корабельной оснастки, заглядывал в разбитые окна помещений. Он прошёл от полубака до самой кормы, но встретил лишь троих одержимых – те сцепились, словно бешенные псы, душили и кромсали друг друга с нечеловеческой злобой. Сколько ещё осталось времени? Джим предполагал, что не больше пяти минут. Нужно спешить к шлюпкам.

Он увидел Милен возле шлюпбалок. Одна из спасательных шлюпок уже была спущена на воду, вторая, запутавшись в тросах, беспомощно повисла у самого борта. Возле трапа сустились люди, они торопились покинуть «Феррис». На па-

луже валялись спасательные жилеты и обломки вёсел. Милен смотрела на светлеющую полосу неба на горизонте и курила. На ней было шикарное вечернее платье с глубокими разрезами, местами порванное и заляпанное кровью.

– Милен! – окликнул её Джим. – Нужно уходить! Слышишь! Нужно спускаться в шлюпку!

– Трудно! Очень трудно бороться! – проговорила она и всхлипнула.

– О чём ты говоришь?

Джим схватил её за плечи и развернул к себе. Сигарета выпала из её пальцев. Джим отпрянул. Лицо Милен, словно поражённое нервным тиком, дёргалось, обретало то дьявольское выражение, то искажалось в гримасе ужаса и боли.

– Я не могу больше, Джим! Убей меня! – Милен вдруг втянула голову в плечи, сжала кулаки и бросила на Джима взгляд, полный презрения. – Или ты струсил, Джимми-трусиска?!

Её лицо застыло в выражении какой-то неестественной смеси злобы, отчаяния и ужаса: один уголок рта опустился вниз, другой задрался высоко вверх, тонкие брови вскинулись, а глаза округлились и смотрели, не мигая. Милен прыгнула, протянула вперёд руки. Она готовилась к прыжку! «Иди ко мне, Джимми... – прошипела она, мягко ступая по палубе. – Стань моим!»

Джеймс горько усмехнулся: «Ну, уж нет, дорогая!» Милен прыгнула, пытаясь вцепиться тонкими пальцами с длин-

ными ухоженными ногтями, в лицо Джиму. Но тот вовремя увернулся, подхватил с палубы подвернувшееся под руку целое весло. Милен прыгнула снова, но Джим ушёл от неё и в этот раз. Она теперь стояла прямо возле самого релинга. Джеймс изловчился и ударил. Милен полетела за борт, но в последний момент смогла уцепиться за ограждение. Джим свесился через релинг, глянул на неё. «У меня есть семья, – с улыбкой произнёс Джим, поднимая оружие для нового удара. – К тому же ты не в моём вкусе!» Он ударил хрипевшее и булькавшее создание, бывшее когда-то девушкой по имени Милен, ребром весла. Взметнулись кровавые брызги, одержимая рухнула в воду. В этот момент раздался оглушительный треск, вслед за которым последовал сильный хлопок. Яркое пламя озарило палубу. «Джим! – позвали его со шлюпки. – Скорее!»

«Феррис» содрогнулся от ещё одного удара и стал медленно заваливаться. Джеймс кинулся к трапу, спустился до половины, а потом прыгнул в воду. В два гребка он доплыл до спасательной шлюпки. Док и матрос помогли ему забраться. Они схватились за вёсла и принялись грести что было сил, прочь от обречённого корабля. Пожилые сёстры запричитали, жена плюгавого мужичка прижала к себе перепуганную девочку и гладила её по волосам. Они успели отплыть с два десятка метров, когда на «Феррисе» грохнул новый мощный взрыв, почти разломивший судно пополам. С неба дождём посыпались обломки. Несколько крупных кусков упа-

ли в опасной близости от шлюпки.

Джим бросил грести, когда руки уже сводило судорогой, а на ладонях вздулись мозоли. Он оглядел спасшихся. Оборванные, перепачканные и испуганные, они переглядывались и, кажется, ещё не верили в то, что остались живы. Джим обернулся к обломкам «Ферриса». Части кормы и носа, объятые пламенем, медленно погружались в воду. Всё кончено. Ужасы и страхи шли ко дну вместе с проклятым кораблём.

Джим улыбнулся самому себе. Теперь-то уж точно он не боится жизни. Жизни, где бы она ни проходила: в Америке, в Европе. Да хоть бы и на необитаемом острове! Пока у него есть пенни, он будет тратить их, но тратить с умом. Он будет поваром собственной жизни, и не даст съесть себя никому. И самый последний грош он прибережёт не для себя. Джеймс прикрыл глаза, стараясь вспомнить каждую чётточку милого лица Элис. Потом вспомнил Фрэнка. У него растёт отличный пацан! Джим нащупал в кармане затерявшуюся монету. Вытащил, повертел в пальцах. Монета тускло блеснула в лучах раннего солнца.

Джим спрятал монету. Сейчас ему ужасно хотелось курить.